

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ

**МАРКЕРЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ В ПУБЛИЧНОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по специальности 45.05.01 Перевод и переводоведение
очной формы обучения, группы 04001314
Палагута Кристины Юрьевны

Научный руководитель
доцент
Пупынина Е.В.

Рецензент
канд. филол. наук, доцент
Крот О.Н.

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	8
1.1. Понятие политического дискурса.....	8
1.1.1. Общее определение дискурса	8
1.1.2. Широкое и узкое понимание политического дискурса	9
1.2. Подходы к изучению политического дискурса.....	13
1.2.1. Критический дискурс-анализ.....	13
1.2.2. Описательный подход к изучению политического дискурса и его направления.....	15
1.2.3. Когнитивный подход к изучению дискурса.....	16
1.2.4. Методы анализа политического дискурса в политической лингвистике	17
1.2.5. Корпусный подход к исследованию дискурса.....	19
1.3. Выражение эмоциональности в английском языке	20
1.3.1. Понятие эмоциональности в языке	20
1.3.2. ИмPLICITные и эксплицитные эмотивные средства	21
1.3.3. Лексические и грамматические средства эмоциональности	22
1.3.4. Выражение эмоций невербальными средствами	30
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	33
ГЛАВА 2. ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ В ПУБЛИЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	35
2.1. Выражение эмоциональности в англоязычном политическом дискурсе	35
2.1.1. Особенности эмоционального поведения политиков и их проявления в языке.....	35
2.1.2. Типы эмоций по принципу выраженности и по коннотативному значению.....	37

2.2. Лексические маркеры эмоциональности в англоязычном политическом дискурсе.....	42
2.2.1. Классификация эмоциональной лексики.....	42
2.2.2. Семантический анализ эмоциональной лексики.....	45
2.3. Грамматические средства выражения эмоциональности в англоязычном политическом дискурсе	50
2.4. Дескриптивный анализ невербального поведения политиков в публичном англоязычном дискурсе	60
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	64
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	65
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	68
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА.....	72
ПРИЛОЖЕНИЕ 1 КОРПУС «ПОЛИТИКА»	73

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях актуальным становится изучение политического дискурса и его особенностей. Данный факт можно объяснить глобальными изменениями во всем мире, развитием всесторонних контактов на международной арене, скрытыми или явными проявлениями агрессии в отношении других стран, разногласиями внутри страны, вызывающими бурные дискуссии. В центре внимания стоят теоретические вопросы политического дискурса, а именно изучение способов создания и функционирования политических текстов, анализ языковых средств, используемых в политическом дискурсе как специфической характеристики речевого поведения политиков. Кроме того, на повестку выходит вопрос исследования вербальных и риторических стратегий в политической деятельности. В современных условиях открытого обсуждения многих политических вопросов возрастает значимость политической коммуникации и решение ряда политических проблем, которое зависит от адекватной интерпретации этих проблем в языке. В последнее время отдельные аспекты политического дискурса стали объектом активного исследования в научной и в публицистической литературе.

Эмоции стали неотъемлемой частью мышления и языкового поведения в экономике, культуре, образовании, быту. Выражение эмоций стало заметным и в политической среде. Это можно объяснить и многочисленными социальными и политическими катаклизмами, происходящими в мире и в отдельных государствах, а также эмоциональным раскрепощением людей, которые перестали бояться открыто выражать свои эмоции, как в языковой форме, так и во внеязыковой. Эмоциональный аспект лингвистики стал предметом многочисленных научных исследований и, одновременно с этим, частным вопросом теории эмоций. Источником изучения эмоций человека

является непосредственно язык, который называет эмоции, выражает их, описывает, классифицирует, структурирует, комментирует.

Эмоции, а точнее их проявление в языке, являются одним из ведущих вопросов современной лингвистики. Будучи связанной с выражением субъективного отношения говорящего к происходящему, проблема эмоциональности как языкового явления всегда вызывала интерес многих лингвистов.

Актуальность работы обусловлена наличием тесной связи эмоционального компонента речи с политическим дискурсом, а также потребностью изучения особенностей политического дискурса на материале текстов публичных выступлений.

Исходя из выше сказанного, **объектом** работы являются вербальные (лексические, грамматические), экстралингвистические и невербальные средства, являющиеся маркерами эмоциональности в политическом дискурсе.

Предмет работы – исследование языковых маркеров, употребляемых для создания языковой экспрессивности и эмоциональности в политическом публичном англоязычном дискурсе.

Цель работы – выявить и описать вербальные и невербальные средства, которые могут создавать экспрессивно-эмоциональный оттенок в англоязычном публичном политическом дискурсе.

В соответствии с целью ставятся следующие **задачи**:

- 1) Изучение теоретических вопросов, касающихся политического дискурса и категории эмоциональности с опорой на работы известных отечественных и зарубежных лингвистов.
- 2) Определение основных подходов, используемых в исследовании политического дискурса.
- 3) Разработка корпуса текстов, состоящего из транскриптов речей и видео материалов с выступлений политических деятелей и парламентских дебатов.

- 4) Поиск и анализ наиболее распространенных языковых средств выражения эмоций на материале корпуса, включающего тексты парламентских дебатов и публичных выступлений политиков.
- 5) Изучение классификаций средств невербальной коммуникации.
- 6) Описание случаев проявления невербальных средств в политической речи для отражения эмоций политиков.
- 7) Обобщение результатов проведенного исследования.

Решение поставленных задач на разных этапах проведения исследования осуществлялось с помощью комплекса исследовательских **методов**. Прежде всего, в работе использовались такие общенаучные исследовательские методы, как анализ и синтез материала, его обобщение и классификация. Ведущим стал корпусный подход к изучению дискурса, объединивший количественный и качественный анализ материала. Помимо этого был применен дескриптивный и сопоставительный анализ. Для корпусного анализа использовалась специальная программа Lancbox, разработчиками которой являются лингвисты Ланкастерского университета Тони МакЭнери и Вацлав Брезина.

Теоретической базой исследования послужили труды Т. ван Дейка, В.И. Карасика, П.Б. Паршина, А.Н. Баранова, Е.И. Шейгал, А.П. Чудинова, В.И. Озюменко, М.Л. Макарова, И.В. Арнольд и других.

Практическим языковым **материалом** исследования послужил корпус объемом 125 текстов, полученных с помощью выборки материалов публичных выступлений политиков, интервью и политических дебатов посредством использования информационных ресурсов Интернета. В ходе исследования невербальных средств выражения эмоциональности для анализа использовался видеоряд, представленный публичными выступлениями политиков и парламентскими дебатами. Всего было рассмотрено 50 видеозаписей.

Апробация работы осуществлялась на научно-практической конференции студентов в апреле 2018 г. По материалам работы имеется

публикация в сборнике студенческих научных работ Вестник СНО НИУ «БелГУ»-2018.

Структура работы. Данная работа состоит из Введения, двух глав (теоретической и практической), Заключения, Списка использованной литературы, Приложения 1. Во Введении определяются объект и предмет, цель и задачи исследования, раскрывается актуальность темы. В Главе 1 рассматриваются ключевые аспекты политического дискурса, его признаки, а также специфика средств языка, используемых для выражения эмоциональности. Глава 2 посвящена детальному изучению маркеров эмоциональности и количественному анализу их использования в политическом дискурсе. В Заключении представлены результаты исследования, общие выводы. Список использованной литературы включает названия трудов отечественных и зарубежных лингвистов, которые являются теоретической основой данной работы. В разделе Список источников фактического материала представлены ссылки на ресурсы в сети Интернет, использовавшиеся для создания корпуса исследования. Приложение 1 представляет собой CD диск, содержащий фактический материал исследования – транскрипты речей и видеофрагменты политических выступлений.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

1.1. Понятие политического дискурса

1.1.1. Общее определение дискурса

Определение политического дискурса тесно связано с более широким понятием дискурс, в отношении которого не существует общепринятого определения. В лингвистике термин «дискурс» начали использовать в начале 70-х годов, первоначально в значении близком к термину «функциональный стиль» (Толпыгина, 2002).

Одним из первых определение дискурсу дал голландский ученый Тён ван Дейк. Он рассматривал дискурс как сложное коммуникативное явление, отражающее кроме акта создания текста, тесную взаимосвязь создаваемого речевого произведения с экстралингвистическими обстоятельствами – знаниями о мире, мнениями, конкретными целями говорящего. Дискурс является «сложным коммуникативным явлением, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации, так и о процессах производства и восприятия сообщения» (Дейк, 2000: 13). Преимущество данного определения состоит в том, что дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний.

М.Л.Макаров соотносит понятие «дискурс» с родственными терминами текст, речь и диалог. Ученый трактует дискурс как «текст плюс ситуация» (Макаров, 2003). По мнению лингвиста Л.В.Щербы, дискурс можно определить как речевую деятельность, являющуюся в то же время языковым материалом, а под языковым материалом понимается текст, то есть дискурс в данном случае рассматривается во взаимодействии текста и речи (Щерба, 1974). Другими словами, лингвист понимает под дискурсом реализацию текста в конкретной ситуации общения. Мысль о взаимодействии текста и

речи лежит и в основе концепции такого авторитетного ученого как В.И. Карасик, который определяет дискурс как «текст в ситуации реального общения» (Карасик, 2000: 37-38). Ученый отмечает, что дискурс носит культурологический характер, то есть составляющие культуры являются основополагающими факторами формирования дискурса.

Ситуативное (культурно-ситуативное) понимание дискурса представлено в лингвистическом энциклопедическом словаре, где дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах); речь, «погруженная в жизнь» (Электронный ресурс <http://tapemark.narod.ru/les/>). В данном случае дискурс рассматривается с опорой на прагматическую ситуацию, то есть связывается с конкретной ситуацией, а также ее участниками, и учитывает этнографические, социокультурные и психологические характеристики. Помимо этого, дискурс характеризуется наличием паралингвистических факторов (мимики, жестов), которые выполняют семантическую, эмоционально-оценочную и иллюкутивную функции.

1.1.2. Широкое и узкое понимание политического дискурса

Среди исследователей нет однозначного мнения ни в отношении дискурса в целом, ни в отношении политического дискурса в частности. В лингвистической литературе существует широкое и узкое понимание политического дискурса. Некоторые ученые придерживаются широкого понимания политического дискурса. Так, например, Е.И. Шейгал определяет политический дискурс как «любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» (Шейгал, 2004: 9). В

широком смысле под политическим дискурсом также понимают «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом» (Баранов, 1991: 6).

Понятие политического дискурса в узком смысле не выходит за рамки сферы политики. В данном случае политический дискурс называют дискурсом политиков. Одним из сторонников данной трактовки является лингвист Т. Ван Дейк, который считает, что политический дискурс ограничен профессиональными рамками и формируется в такой институциональной окружающей обстановке, как заседание правительства, сессия парламента, съезд политической партии. Дискурс считается политическим в том случае, если он сопровождает политический акт в соответствующей институциональной обстановке. По мнению ученого, политический дискурс определяется только сферой политики, к которой принадлежат обсуждения в правительстве, парламентские дебаты, партийные программы, речи политиков (Дейк, 1989).

Кроме того, в концепциях некоторых ученых политический дискурс в узком смысле является разновидностью дискурса, цель которого – завоевание и удержание политической власти. Иными словами, основной целью политического дискурса является борьба за власть (Михалева, 2004). Борьбу за власть считают определяющим критерием политического дискурса, так как при имеющемся жанровом и стилевом разнообразии все остальные критерии лишь дополняют основной и изменяются в зависимости от контекста. В связи с этим все коммуникативные тактики убеждения в рамках политического дискурса рассматриваются как служащие единой цели – борьбе за власть. Данная интенция считается специфической характеристикой политического дискурса и проявляется во всех жанрах: парламентских дебатах, предвыборных речах, политических дискуссиях и интервью. Политический дискурс в связи с интенцией борьбы за власть рассматривается как сфера агонального мышления, то есть представляет

собой демонстрацию борьбы, агона: «ожесточенная борьба за власть разыгрывается как состязание, как большие национальные игры, для которых важны зрелищность, определенные имиджи, формы проявления речевой агрессии и т.д.» (Шейгал, 2003: 24).

В зарубежной лингвистике политический дискурс рассматривается как коммуникация не только в социально-политической сфере, где он выражается в поиске наиболее эффективного способа решения социальной проблемы, но и в публичной сфере общения, где он воздействует на аудиторию с помощью веской информации. Следует отметить, что наряду с понятием «политический дискурс» в лингвистической литературе употребляются термины «общественно-политическая речь», «агитационно-политическая речь», «язык общественной мысли», «политический язык» (Гаврилова, 2004).

Мнения экспертов неоднородны и по вопросу отнесенности политического дискурса к функциональным стилям. Некоторые ученые относят политический дискурс к публичной сфере. Существует предположение, что элемент политического дискурса присутствует практически во всех публичных выступлениях. Следовательно, политический дискурс понимается как использование языка в социально-политической сфере общения и в публичной сфере коммуникации. Отнесенность текста к политическому определяется как его тематикой, так и его местом в системе политической сферы. В широком понимании политический язык, используемый в публичной сфере, определяется возрастанием роли масс медиа, развитием новых коммуникационных технологий, распространением процессов глобализации и коммерциализации политической коммуникации.

Говоря о политическом дискурсе, Е.И. Шейгал отмечает, что политика как специфическая сфера человеческой деятельности по своей природе представляет собой совокупность речевых действий. Считается, политический дискурс, как и другие виды дискурса, характеризуется полевым строением, в центре его структуры находятся жанры, в

максимальной степени соответствующие основной задаче политической коммуникации – борьбе за власть. К центральным жанрам Е.И. Шейгал относит парламентские дебаты, речи политических деятелей, голосование. Остальные разновидности политического дискурса считаются периферийными, при этом в них функция борьбы за власть перекликается с функциями других видов дискурса, и происходит наложение характеристик разных видов дискурса в одном тексте. Е.И. Шейгал, анализируя структуру политического дискурса, выявляет его пересечение с другими видами дискурсов: юридическим, религиозным, художественным, научным, дискурсом СМИ, педагогическим, бытовым, спортивно-игровым, военным. Помимо этого, выделяются основополагающие признаки политического дискурса: институциональность, информативность, смысловую неопределенность, фантомность, дистанцированность, авторитарность (Шейгал, 2004).

Лингвисты отмечают, что язык политических текстов отличается от обыденного языка, причем это отличие проявляется не столько в использовании каких-либо специфических формальных средств, сколько в таком изменении соотношения между словом и значением, при котором единицы хорошо знакомого языка приобретают необычную интерпретацию, а хорошо знакомые ситуации попадают в несвойственные для них категории: явления и факты получают совершенно другой смысл (Гаврилова, 2004). Эта особенность политического дискурса во многом объясняет специфику политического текста, в котором может быть обнаружен скрытый смысл, отличающийся от буквального, а иногда и прямо противоположный ему. Более того, именно этот неэксплицитный смысл принимают за истинный смысл политического текста (Паршин, 1987).

Таким образом, единого понятия политического дискурса не существует, однако в нашем исследовании, взяв за основу определение Т. ван Дейка, определим политический дискурс следующим образом: политический дискурс – это совокупность речевых актов, ограниченных сферой политики и

созданных в институциональной обстановке. На наш взгляд, данное определение является более полным и более точно отражающим все аспекты данного вида дискурса в сравнении с другими определениями, а также отвечает задачам нашего исследования.

1.2. ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В современных исследованиях подходы к изучению любого дискурса характеризуются как коммуникативный и когнитивно-ориентированный, оба подхода отличаются собственной теоретической и методологической базой и состоят из нескольких парадигм и направлений исследования. В современной лингвистической литературе имеется достаточно много подходов к изучению политического дискурса. Существуют общие подходы, используемые в лингвистике для исследования политического дискурса. К ним относятся: критический, когнитивный, описательный (дескриптивный) методы. Рассмотрим подробнее каждый из них.

1.2.1. Критический дискурс-анализ

Среди вышеперечисленных подходов в настоящее время широкое распространение получил критический дискурс-анализ, который сводится к выявлению социального неравенства, выраженного в дискурсе. Теоретическая база критического дискурс-анализа восходит к марксизму и к трудам мыслителей, пытавшихся обнаружить факторы социального угнетения. По мнению «критических лингвистов», социальный порядок достигается путем критического осмысления власти языка. Основоположники данного подхода считали дискурс властным ресурсом, который правящая социальная группа использует для поддержания своего идеологического превосходства, а также отношений субординации и подчинения. Теория дискурса мыслится как разоблачающая социальный

порядок доминирования и принуждения. Т. ван Дейк отмечает, что критический дискурс-анализ направлен на изучение злоупотребления социальной властью, доминирования и неравенства, которые реализуются в политическом контексте. Ученый подчёркивает, что центральным понятием критических работ по дискурсу является понятие власти (Дейк, 2013).

Современные сторонники критического дискурс-анализа изучают методы речевого воздействия, используемого властями для осуществления своего господства в обществе. Они утверждают, что в обществе доминирование одной социальной группы происходит не через принуждение, а через согласие, идеологию и язык. В этой связи дискурс является неотъемлемой частью общественных отношений, поскольку создает эти отношения и создается ими. Представители данного подхода широко используют лингвистические методы в исследованиях, уделяя внимание исследованию текстов и речей с целью выявления тактик манипулирования общественным мнением (Будаев, 2016). Материалом исследований являются, как правило, политические тексты, создаваемые в ситуации социальной нестабильности и отражающие неравенство социальных групп. Способами изучения дискурса в критическом подходе являются: грамматический анализ (синтаксический, лексический и семантический), прагматический анализ речевых актов, риторический и стилистический анализ, анализ специфики структур.

Следует отметить, что в критическом подходе к анализу политического дискурса акцент делается на ценностном отношении субъекта исследования к экстралингвистическим факторам политической коммуникации, в отличие от дескриптивного подхода, в котором преобладает цель описать и объяснить феномены, избегая при этом идеологических оценок субъекта исследования. По словам Т. Ван Дейка среди исследователей этого подхода не должно быть ученых, занимающих отстраненную и тем более индифферентную позицию (Дейк, 2013).

1.2.2. Описательный подход к изучению политического дискурса и его направления

В рамках описательного или, так называемого дескриптивного подхода, наиболее полно представлен риторический подход к изучению политического дискурса, что может объясняться основной функцией политического текста – функцией речевого воздействия. Лингвисты исследуют, какие языковые средства использует автор для признания публикой тех или иных политических утверждений. Предметом изучения в рамках данного подхода являются языковые средства, используемые для контролирования сознания собеседника. Проводя лингвистический анализ выступлений политических деятелей, исследователи описывают речевое поведение политиков, выявляют риторические стратегии в политической деятельности, составляют языковую личность политика (Гаврилова, 2004). Описательный метод включает лингвостилистическое и семантическое направление, лингвистическую теорию аргументирования, лингвистическую теорию управления истиной, психолингвистическое направление.

Лингвостилистическое направление в рамках описательного подхода занимается стилистически маркированными элементами языковой системы, включающими просторечные слова, узкоспециальные термины различных сфер деятельности, которые можно употребить лишь в определенном речевом стиле, эмоциональные и экспрессивные компоненты содержания, коннотации и ассоциации.

Семантическое направление изучает, как проявляется политическое представление в языковых средствах. В политической сфере выбор слов и выражений является чрезвычайно важным инструментом власти для создания той действительности, о которой идет речь (Гаврилова, 2004).

Лингвистическая теория аргументирования ориентирована на способы речевого воздействия, которые способны изменить принципы выбора, используемых в процессе принятия решений. Политическая речь, будучи

речевым действием главным образом проявляется через систему приводимой аргументации. Политическая аргументация является одновременно и формой проведения политики, и политическим действием, объединяющим политическое и речевое действия.

Метод психолингвистического анализа позволяет рассмотреть степень расхождения эмоционального и рационального восприятия политических событий и спрогнозировать социальное поведение, в частности готовность людей участвовать в различных политических событиях и степень восприимчивости к той или иной системе аргументации (Гаврилова, 2004).

1.2.3. Когнитивный подход к изучению дискурса

Одним из основных подходов дискурс-анализа является также когнитивный подход. Данный подход к политическому дискурсу включает изучение ментальных структур или концептов, выражающих стереотипы и общие представления о мире политики, которые отличаются структурной и образно-эмоциональной характеристиками. Среди таких ментальных структур можно выделить стереотипные понятия различных национально-этнических общностей и отдельных государств, стереотипы «свой/чужой», «наши/не наши», составляющие образы «друзей» и «врагов». Под концептом понимается определенное количество стереотипных ментальных образов, представлений и интерпретаций, образующих совокупное дискурсивное пространство. Примерами такого типа концептуальных дефиниций в политической сфере являются понятия «власть», «государство», «гражданин», «революция», «свобода», «справедливость», «демократия», «солидарность», «капитализм», «социализм», «империя» и, а также производные от данных понятий: «власть народа», «правовое государство», «гражданское общество», «буржуазная революция», «демократические свободы» и т.д. (Русакова, Русаков, 2008).

Помимо стереотипов и концептов политического дискурса, одним из центральных объектов анализа когнитивного подхода являются метафоры и связанное с ними метафорическое моделирование политических текстов. Подчеркивается, что в политических текстах и коммуникации метафора выступает не только в качестве риторического украшения и средства пополнения политического лексического состава, но и в качестве способа формирования и передачи смыслов политических высказываний, феноменов, событий и явлений. В данной функции метафоры представляют собой смыслообразующие компоненты политического дискурса. По словам некоторых исследователей, политическая терминология состоит из метафор, перешедших в сферу политики из разных сфер, таких как военная, спортивная, строительная и др. Примерами служат широко используемые в политической сфере определения, такие как «холодная война», «ястребы» и «голуби», «избирательная гонка», «перестройка», «левые», «правые» (Русакова, Русаков, 2008). Политические концепты являются предметом пристального внимания в когнитивной политической лингвистике.

1.2.4. Методы анализа политического дискурса в политической лингвистике

В рамках современного лингвистического дискурс-анализа активно развивается направление, получившее название «политическая лингвистика». Чудинов А.П. относит к основным аспектам изучения политической лингвистики исследование языковых и дискурсивных феноменов, изучение политического языка и общих закономерностей политической коммуникации, а также исследование институциональной и медийной разновидностей политического дискурса (Чудинов, 2006). Современная политическая лингвистика занимается изучением тексто-речевых и коммуникативно-риторических характеристик политического дискурса. В политической лингвистике дискурс рассматривается с позиций более узко

направленных подходов, таких как лексико-семантический, лексико-стилистический, нарративно-репрезентационный.

Лексико-семантический подход изучения политического дискурса нацелен на изучение семантики языковых структур (фонетических, морфологических, синтаксических) и лексем из конкретных политических речей и текстов. В последнее время появилось большое число специализированных лексико-семантических дискурс-исследований политических афоризмов, инаугурационных речей, ежегодных президентских посланий, политической рекламы и политических слоганов. В данном проводятся исследования устойчивых приемов, тематики политических речей и текстов, выражения идеологических убеждений в политическом дискурсе (Шейгал, 2004). Одним из направлений лексико-семантического анализа политического дискурса является наблюдение за процессом преобразования политической лексики, сменой преобладающих идеологем в лексическом запасе конкретных политиков и политических институтов. Например, в последнее время объектом изучения в области политической лингвистики явились такие новые идеологемы, появившиеся в современном политическом лексиконе, как «ось зла», «однополярный мир», «мультикультурализм», «левый поворот», «вертикаль власти», «монетизация льгот», «суверенная демократия», «отложенный суверенитет» (Русакова, Русаков, 2008). Политическая лексика считается одним из наиболее подвижных пластов языка: новые слова, термины и фразеологизмы приходят на смену ушедшим из активного употребления лексическим единицам или архаизмам. Новые слова зачастую появляются с лексической периферии политической сферы. При этом происходит резкое изменение ценностных и интерпретационных характеристик ранее распространенных идеологем.

Нарративно-жанровый подход в политической лингвистике направлен на исследование жанровых особенностей нарративов, описывающих в вербальной форме исход политических событий и дальнейшую судьбу людей и институтов политической сферы. Под нарративом, как правило, понимается

рассказ, повествование о чем-то, относящегося к категории определенного коммуникативного и литературного жанра. Политический нарратив является комплексом устойчивых высказываний, составляющих целостную картину политической жизни, политических событий (Русакова, Русаков, 2008). Политические нарративы различают в зависимости от объема высказываний и от жанровых особенностей. Существуют малые формы политического нарратива (приветственное слово, поздравление, благодарность, соболезнование, политический лозунг), средние (инаугурационная речь, заявление, обращение, декларация, конституция, государственный гимн, протокол встречи, аналитическая записка, политическая биография, политический портрет, репортаж, новостная хроника дня, недели, политические слухи), а также крупные нарративные формы и жанры политического дискурса (ежегодное послание президента, доклад, отчет, актовая лекция, документальная повесть, политический детектив, политический триллер, политическое завещание, политическая пьеса, политическое ток-шоу, политический роман). Согласно исследованиям, малые формы нарратива отличаются устойчивой композиционной структурой, преобладанием фатичности и ритуальности над информативностью (Гаврилова, 2005).

1.2.5. Корпусный подход к исследованию дискурса

Популярным направлением в современной лингвистике является также корпусный подход. Изучение политического дискурса может проводиться не только на материале многомиллионных корпусов, но и на основе данных, представляющих собой совокупность специально отобранных текстов, которые называют микрокорпусами. К таким микрокорпусам можно отнести транскрипты выступлений политиков, представителей определенных политических течений или любых лиц, деятельность которых тем или иным образом связана с политической сферой. В качестве источника для

составления микрокорпусов используются тексты публичных выступлений политиков, транскрипты предвыборных дебатов, которые используются для выявления особенностей речей участников политического дискурса, предпочитаемых ими способов выражения идеологии и влияния на сознание аудитории (Борискина, Шилихина, 2017). Несмотря на небольшой объем составляемых корпусов, анализ текстов может дать информацию о частоте использования той или иной лексики, о ключевых фигурах речи, о лексической сочетаемости. Частотность является одним из показателей востребованности слова в дискурсе, на основе которой можно делать выводы о значимости определенной темы в рассматриваемом типе дискурса. Данные корпусных исследований позволяют перейти от исследования формальных показателей (например, частотности употребления лексики) к исследованию семантики (т.е. рассмотрению смысловой стороны коммуникации). Переход к семантическому анализу в свою очередь позволяет проводить описание идеологической и ценностной системы политиков.

Таким образом, в современной лингвистике существует несколько подходов к изучению политического дискурса. Мы в данном исследовании возьмем за основу лексико-семантический, корпусный и дескриптивный подходы, поскольку они лучше остальных соответствуют задачам нашего исследования по выявлению маркеров эмоциональности в контексте политического дискурса.

1.3. ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1.3.1. Понятие эмоциональности в языке

Отражение эмоциональных состояний в языке является одной из сложнейших проблем современного языкознания. Языковая эмоциональность стала объектом научных исследований в начале 19 в. Под эмоциональностью понимается выражение настроения, чувств, субъективного отношения говорящего к происходящему. Интерес к данной

категории объясняется, прежде всего, тем, что эмоции являются прямым проявлением состояния человека и его отношения к окружающему миру.

На протяжении многих лет изучение эмоциональности в языке сводилось к трем основным целям. Во-первых, исследователи пытались выявить из всех эмоций базовые (первичные), такие как радость и печаль; во-вторых, ученые предпринимали попытки отнести языковые единицы эмоциональности к определенному функциональному стилю; и в-третьих, эмоциональные языковые единицы стали рассматриваться с точки зрения психологии, физиологии, социолингвистики.

1.3.2. ИмPLICITные и эксплицитные эмотивные средства

Эмоции присутствуют в любом языке, они есть даже там, где проявление эмоциональности представляется теоретически невозможным и речь идет об объективном содержании, в таком случае эмоции являются скрытыми. Безусловно, не вся эмоциональность в языке несет скрытый характер. Существуют и открытые способы передачи эмоционального состояния говорящего. В связи с этим можно выделить имPLICITные и эксплицитные средства выражения эмоциональности.

Эксплицитными средствами с явным эмотивным значением являются эмотивы-номинанты, называющие определенные эмоции, то есть такие единицы, эмотивность которых входит в предметно-логическое значение: слова различных частей речи, бранные, ласкательные слова, в лексическом значении которых заключена определенная оценка предметов и явлений, а также усилительно-ограничительные и модальные частицы. Эксплицитное выражение эмоций осуществляется также с помощью морфологических средств, т.е. посредством словообразовательных префиксов, суффиксов с ласкательным, уничижительным, фамильярным и другими значениями (Карпова, 2011).

К имплицитным средствам выражения эмотивности относятся лексические единицы, эмоциональность которых определяется в контексте. Данные единицы включают эмотивы-коннотативы, метафоры, перифразы, свободные словосочетания, фразеологические единства. Имплицитными по природе являются также средства синтаксиса: инверсия, включение в предложение бессоюзия, повторы, включение синтаксически не связанных элементов, появление эллиптических конструкций, снятие синтаксической сложности предложения, частое появление восклицательных, вопросительных предложений (Карпова, 2011).

Язык, представляющий собой сложное системно-структурное явление, содержит множество средств выражения эмоций на разных уровнях: фонетическом, лексическом, синтаксическом. К фонетическим средствам проявления эмоций относят отчетливую артикуляцию, изменения в артикулировании звуков, появление нехарактерных сочетаний звуков, изменения ударения, интонации, удлинение гласных и согласных звуков, изменение ритма, темпа, силы звука (Карпова, 2011).

1.3.3. Лексические и грамматические средства эмоциональности

Маркеры эмоциональности являются объектом данного исследования, в нашей работе под ними понимается совокупность лексических и грамматических единиц, используемых в языке для выражения эмоций (переживаний, чувств), а также эмоциональных оценок.

Относительно лексических единиц из общего запаса лексики выделяется четко ограниченный пласт «эмоциональной лексики». Термин «эмоциональная лексика» трактуется разными авторами по-разному. Некоторые лингвисты считают, что понятия «эмоциональный» и «экспрессивный» равнозначны и употребляют их как синонимы. Другие, наоборот, разграничивают их. Так, Л.Л. Нелюбин в своем словаре определяет

экспрессивную лексику как «слова, выражающие ласку, иронию, шутку, пренебрежение, фамильярность» (Нелюбин: 2003, 256). Под эмоциональной лексикой автор понимает эмоционально окрашенные слова, бранные слова, междометия, а также слова, обозначающие испытываемые чувства и настроение путем выражения эмоциональной оценки. Языковые знаки, выражающие эмоции, также называют эмотивными (Илиская, 2006).

Белько Е.В. отмечает, что в качестве лексических средств выражения эмоций могут выступать следующие категории:

- слова, непосредственно называющие эмоции (существительные, прилагательные, глаголы, наречия и причастия, обозначающие эмоциональное состояние человека)
- оценочные слова (существительные, прилагательные, глаголы)
- элементы сленга, идиоматические выражения
- слова и выражения с эмоциональной семантической структурой (междометия wow, oh; эмоциональные частицы too, only) (Белько, 2015).

Для выявления средств выражения эмоциональности на лексическом уровне необходимо четко разграничить понятия «эмотивность», «экспрессивность» и «оценочность». В нашем исследовании мы определили их следующим образом: эмотивность – это способность языковых единиц выражать эмоциональное состояние говорящего; под экспрессивностью понимается способность единиц языка оказывать эмоциональное воздействие на слушающего, а оценочность представляет собой возможность языковых единиц передавать эмоциональное отношение говорящего к какому-либо событию или явлению, причем эта возможность выражена в категориях положительной и отрицательной оценки.

Помимо этого, некоторые лингвисты, изучая средства выражения эмоций в лексике, связывают эмоциональность не с экспрессивностью, а с оценкой. По данному критерию выделяют слова с положительной и отрицательной эмоциональной оценкой. Проблема выделения эмоционально-

оценочной лексики в современном английском языке неоднократно находилась в центре внимания лингвистов, она решалась в зависимости от целей и материала проводимого исследования. В связи с отсутствием единой системы критериев распознавания эмоционально-оценочной лексики, некоторые лингвисты предлагают для распознавания такой лексики использование базовых лексикографических обозначений. К таким обозначениям относятся, во-первых, словарные пометы и особые указания словарной статьи, таких как *taboo* и, во-вторых, наличие в словарной дефиниции слов эмоциональной оценки, обозначающих эмоции и качества, характеризующие определенную оценку (например, *slimy - (informal) friendly in an unpleasant way that does not seem sincere - used to show disapproval, snob – a person who believes he is better than people from a lower social class - used to show disapproval*). Словарные дефиниции обнаруживают значительное количество лексических единиц, содержащих в своей смысловой структуре сему «good», которая служит универсальным маркером положительной оценки. Однако, в английских словарях число помет, указывающих на наличие положительной оценки, незначительно. Среди таких помет «a word of appreciation», «a word of endearment», «affectionate», встречающиеся в основном у существительных (Кувинова, 2007).

Данные критерии выделения лексики, содержащей в своей семантической структуре эмоциональную оценку, могут варьироваться и в зависимости от языкового материала, изучаемого в каждом конкретном случае. В работах, посвященных изучению эмоционально-оценочной лексики, классификация данной лексической категории производится на основании того, является слово однозначным или многозначным. Существуют однозначные эмоционально-оценочные лексические единицы (оценочные слова-характеристики), представляющие собой яркие средства выражения эмоциональности и ограничивающие сферу их употребления и семантическое пространство до одного значения. Многозначные слова эмоциональной оценки, как правило, эмоционально-нейтральны в своём

основном значении, но при метафорическом употреблении они приобретают яркую, образную эмоционально-оценочную окраску.

Следует подчеркнуть, что использование типичного в политической сфере местоимения «наш» может указывать на то, с какой социальной группой ассоциирует себя говорящий. Впрочем, нужно учесть, что подобная групповая самоидентификация носит не объективный характер, а служит частью моделей и способов социальной репрезентации выступающих, уже имеющих групповую принадлежность. В условиях конкретной ситуации такая самоидентификация имеет стратегическую направленность («мы, демократы») и исключают других («мы в Англии» – по отношению, в первую очередь, к белому населению). Т.ван Дейк утверждает, что дискурсивная поляризация «мы/ они» типична для политического дискурса, и она отражает не только ментальные репрезентации тех, о ком говорят, но и категории участников (как они представлены в контекстных моделях), к которым обращаются в коммуникативной ситуации (например, в парламентской речи Джона Строкса «мы» как консерваторы и «они» как лейбористская оппозиция) (Дейк, 2013).

Несмотря на то, что эмоциональность отражается, прежде всего, в просодическом компоненте речи и более отчетливо проявляется на лексическом уровне языка, следует отметить, что существует значительное количество грамматических средств, выражающих эмоциональные состояния. Грамматические средства эмотивности имеют обобщенное значение, в отличие от лексических средств, которые обладают в своем значении определенным указателем, конкретизатором эмоции. Однако ряд грамматических маркеров может употребляться для выражения определенного круга эмоций, как например, форма глагола *Continuous* в сочетании с наречиями *always, constantly* служит преимущественно для выражения недовольства (Озюменко, 2004).

Грамматические маркеры эмоциональности, в отличие от лексических, не ярко отражаются в речи. Они труднее обнаруживаются, поскольку в

процессе восприятия любого текста, устного или письменного, основное внимание уделяется содержательному компоненту, а не грамматическому оформлению.

Грамматические средства могут передавать различные эмоции, однако, незаслуженно оказываются вне поля зрения. Озюменко В.И. отмечает, что эмоции в английском языке зачастую выражаются при помощи следующих грамматических средств: временные формы глагола, вспомогательные глаголы, порядок слов в предложении, инверсия (Озюменко, 2006).

Грамматические средства подразделяют на морфологические и синтаксические, они характеризуются как маркеры эмоционального состояния на фоне общего содержания текста.

На морфологическом уровне в качестве используемых средств эмоциональности можно выделить слова разных частей речи, подчеркивающие эмоциональные проявления, например, состояние счастья (наречие-интенсификатор *wildly*), взволнованности (уменьшитель *simply*), незначительной степени какого-либо чувства (наречие-уменьшитель *slightly*) (Петрова, 2017). При морфологическом способе передачи эмоционального содержания в английском языке выделяется несколько эмоциональных аффиксов. Например, аффиксы *-y*, *-ie*, *-let* (*girlie*) передают положительную эмоциональную окраску, а аффиксы *-ish*, *-ard*, *-eer*, *-aster*, *-kin*, *-let* – отрицательную (*doggish*).

Эмоциональность на синтаксическом уровне может быть выражена восклицательными конструкциями с использованием слов-интенсификаторов *what*, *such*, *how*, *so*, с помощью повторов, эмфатического употребления глагола *do*, а также путем использования определенных пунктуационных знаков или, наоборот, их отсутствия.

Одним из первостепенных грамматических средств выражения эмоций называют низкочастотное употребление временных форм. Примером может служить употребление времен группы *Continuous* вместо времен группы *Simple*. Иногда действие, выраженное при помощи этих форм, не

соотносится с временными характеристиками, например, в предложении *you are always losing things* речь идет не о действии, происходящем в данный момент, о чем свидетельствует наличие наречия *always*, а о действии, которое совершается слишком часто по мнению говорящего. Таким образом, употребление Continuous вместо наиболее уместного Simple выражает неудовлетворенность, раздражение чьим-либо поведением (Озюменко, 2006). Для выражения неудовлетворенности чьими-то действиями может использоваться также прошедшее время в сочетании с конструкцией *it's time*. Так, например, в предложении *It's time we had some changes in the company* говорится, что уже давно пора провести изменения, выражена неудовлетворенность по поводу того, что действие до сих пор не выполнено.

Эмоциональные оттенки передаются также вспомогательными глаголами, употребленными в утвердительных предложениях. По правилам английского языка, вспомогательные глаголы употребляются в вопросительных и отрицательных предложениях. Однако для передачи эмоций данные правила нарушаются. Употребление вспомогательных глаголов в утвердительных предложениях придает всему предложению эмоциональное звучание, подчеркивает убежденность говорящего в истинности его оценок и действий (*e.g. You do look tired*).

Повтор проявляется на всех уровнях языка: на фонетическом уровне можно наблюдать повторение звуков или их сочетаний; на морфологическом уровне – повторение морфем; на лексическом уровне – повторение слов; на семантическом уровне – повторение значений, а на синтаксическом уровне – повторение словосочетаний, предложений. Однако универсальным средством передачи эмоций повтор выступает именно на синтаксическом уровне, так как именно при повторе словосочетаний или предложений происходит передача эмоционального состояния говорящего.

Повторы служат для подчеркивания главной идеи, которая напрямую относится к основной теме текста. Повторы словосочетаний и предложений сопровождаются наличием разнообразных средств, усиливающих эмотивное

значение высказывания. К таким средствам относятся эмоциональные междометия, частицы, формы степеней сравнения прилагательных и наречий, сравнительные конструкции, члены и др.

Риторический вопрос также является средством эмоциональности, а конкретно в политическом дискурсе используется в аргументации действий. Данный синтаксический прием привлекает внимание аудитории, побуждает к размышлению над обсуждаемыми вопросами и указывает на наличие проблемы, которая требует решения.

Морозова И.О. выделяет следующие синтаксические способы выражения эмоционального состояния:

- 1) вводные и модальные слова: *on the one hand* (с одной стороны);
- 2) слова, выполняющие усилительную функцию: *sure*;
- 3) сравнительные обороты: *angry as a cat* (сердиться как кошка);
- 4) нарушение сочетаемости: например, вместо, *best friend – worst friend* (лучший друг – заклятый друг);

5) инверсия – нарушение прямого порядка слов в предложении. Для реализации инверсии в английском языке обычно сказуемое выносят на первое место перед подлежащим: *here are my keys*.

6) дистрибуция – еще один способ выражения эмоциональности в высказывании, заключающийся в соединении нейтральных лексических единиц, которые в совокупности могут приобретать эмоциональность: *no, no*. Кроме того, в английском языке, в отличие от русского, указательные местоимения в сочетании с притяжательными могут приобретать эмоциональность: *a friend of mine* (Морозова, 2016).

Ярким грамматическим средством выражения эмоций является инверсия. Как известно, для английского языка характерен прямой порядок слов. Однако в некоторых случаях он может нарушаться, что используется для передачи определенных эмоций. Одной из разновидностей инверсии могут служить предложения с наречиями *still* и *already*. Согласно правилу, наречие *still* ставится после глагола *to be*. Однако встречаются случаи его

употребления перед глаголом. Например, предложение *Marthat still is in hospital* содержит эмоциональную окраску (удивление, беспокойство по этому поводу). В отрицательных предложениях подобное употребление наречия может выражать недовольство или удивление (*I still haven't heard from her*). Употребление наречий, выражающих частотность, (*often, seldom, always, never*) перед вспомогательными глаголами, эмоционально усиливают значение глагола. Нарушение правильного порядка слов может также служить средством усиления драматического эффекта: *never has there been so much protest against the bomb* (Озюменко, 2006).

К грамматическим средствам выражения эмоций можно отнести также нестандартное использование повелительного наклонения. Так, в случае, если императивные конструкции заменяют придаточные предложения условия, они выражают угрозу: *Fail you to pay, and they will cut off the electricity*. Одним из средств выражения эмоций при помощи повелительных конструкций также является нетрадиционное оформление высказывания, содержащего такую конструкцию, а именно употребление местоимения *you*: *You wait here for a moment* для выражения гнева, грубости. Для выражения раздражения, нетерпения в повелительных конструкциях может употребляться вспомогательный глагол *do*, также нетипичный для таких конструкций: *do stop talking*.

Помимо этого, с эмоциональностью в языке непосредственно связана модальность. Кроме таких значений, как долженствование, необходимость, запрет, возможность, разрешение, единицы модальности часто выражают эмоциональное отношение говорящего к сообщаемому. Глаголы *shall/will* считаются одними из средств выражения эмоций. С помощью этих глаголов можно оказывать на адресата различное эмоциональное воздействие. В данном случае примером может служить низкочастотное употребление глагола *shall*, который обычно используется с местоимениями первого лица. Для выражения эмоций глагол употребляется с другими лицами: *They shall not pass* (уверенность) *you shall pay for this* (угроза) *when he comes in nobody*

shall say a word (приказ). Глагол *can*, кроме возможности совершения действия, может выражать также сомнение, удивление, недоверие; *could* способен передавать те же значения, но в менее категоричной форме. *Could this information be of use to him?* (Неужели эти данные пригодятся ему?) Глагол *could* часто используется для выражения удивления и гнева: *I could slap your face!* (Я тебя сейчас ударю!), *I am so angry with him. I could kill him!* (Я так зол на него. Я бы его убил!) (Озюменко, 2006).

1.3.4. Выражение эмоций невербальными средствами

Эффективность любой коммуникации, в том числе политической, достигается за счет понимания не только вербальных элементов, но и за счет восприятия и интерпретации невербальных характеристик, сопровождающих речь. В нашей работе мы будем использовать помимо «невербальных средств» термин «невербальные компоненты коммуникации», под которым, по И.Н. Горелову, понимаются «средства несловесной коммуникации в речевом акте» (Горелов, 2006: 25).

Невербальные компоненты коммуникации несут большую информационную нагрузку. Как утверждает профессор Бердвистел, с помощью слов передается около 35 % информации, а с помощью невербальных средств – 65 % (Birdwhistell, 1970).

Невербальные средства различаются в зависимости от культуры, ситуации, места, времени, социального роли и положения, отношений между людьми. Они представляют собой действия и формы выражения, которые не являются частью языка.

Существуют различные классификации невербальных средств. Традиционно выделяются оптико-кинетические (называемые также кинесическими), тактильные и проксемические средства невербального общения. К оптико-кинетическим средствам относятся жесты, мимика, выражение лица, направление взгляда, поза, осанка, походка. В зависимости

от физической природы исследователи подразделяют кинесические (оптико-кинетические) средства на следующие виды: 1) собственно жесты (знаковые движения конечностей и головы; 2) мимические жесты (знаковые движения лицевой мускулатуры); 3) визуальные жесты (знаковые выражения глаз); 4) телодвижения (знаковые движения корпуса) и позы (знаковые положения корпуса тела) (Горелов, 2006; Крейдлин, 2002).

Одним из древнейших оптико-кинетических средств является жест. Отдельные жесты могут иметь конкретный смысл в разных культурах. Однако во всех культурах существуют жесты, значение которых понятно представителям других культур: жесты приветствия и прощания, привлечения внимания, запрета. Мимика помогает выразить все универсальные эмоции и отношения: печаль, радость, счастье, презрение, недовольство и т.д. Напряжение лицевых мышц является признаком возбуждения, вызванного различными эмоциональными состояниями: раздражением, недовольством, возмущением и т.д. К группе тактильных средств относят прикосновения и чувственное восприятие. Проксемическими средствами являются расположение собеседников и дистанция между ними.

Кроме того, существуют экстралингвистические средства, включающие паузы и психологические проявления (плач, кашель, смех, вздохи), а также просодические средства, выражающие ритмико-интонационные характеристики речи – высота, громкость, тембр голоса, интонация. Просодические и экстралингвистические средства регулируют поток речи, замещают языковые средства общения, дополняют речевые высказывания, выражают эмоциональное состояние.

Благодаря просодическим средствам можно определить эмоции оратора. По повышению голоса, по интонации, изменению темпа и ритма речи, характеру произнесения можно распознать такие эмоции как гнев, злость, раздражение, возмущение, а также радость и удивление. Тон голоса является средством отражения таких эмоций как гнев и печаль. С.Смит и Д.Шаффер предполагают, что ускоренный темп речи в большинстве случаев

свидетельствует о раздражении, тревоге, а замедленный темп – о нерешительности. Повышение громкости голоса, по мнению ученых, обычно сигнализирует о тревоге или раздражении, а понижение громкости может быть признаком недовольства или разочарования (Smith, Shaffer, 1991).

Эмоциональный аспект речи проявляется также в паузах, при высокой степени выраженности эмоционального состояния наблюдаются отчетливые колебания в громкости звучания речи и разнообразные паузы (паузы нерешительности, поисковые паузы размышления и значимости высказываемого и т.д.) (Фесенко, 2004).

Немало информации об эмоциональном состоянии дают сила и высота голоса. Некоторые эмоции, такие как радость и восторг обычно передаются высоким голосом, гнев и страх – довольно высоким голосом, однако в более широком диапазоне тональности, силы и высоты звуков. Эмоция «печаль» как правило, передается мягким и приглушенным голосом с понижением интонации в конце каждой фразы. Скорость речи также выступает в роли идентификатора эмоций. Быстрая речь выражает волнение или беспокойство, медленная речь чаще всего свидетельствует о спокойствии или печали.

Ораторский стиль английской политической речи, как правило, нацелен на убеждение аудитории, что в значительной мере достигается за счет интонационного оформления. Заранее подготовленная речь, воспроизводимая с опорой на письменный текст, отличается умеренным темпом и четкой ритмической организацией.

Таким образом, эмоциональность в языке отражается в речи через выбор говорящим определенных лингвистических средств, обеспечивающих максимально достоверную передачу переживаемых эмоций в момент говорения. Наиболее яркими средствами выражения являются лексические средства, однако не стоит преуменьшать роль и грамматических средств. В следующей главе мы детально рассмотрим лексические и грамматические, а также невербальные маркеры эмоциональности в контексте публичного политического дискурса.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1) Политический дискурс – специфическая разновидность дискурса, для которой не существует единого определения; в данной работе под политическим дискурсом понимается совокупность различных речевых актов, совершаемых в ходе политических дискуссий, поскольку данное определение носит более многоплановый характер, а его интерпретация выходит за рамки буквального понимания.

2) Согласно современным лингвистическим исследованиям, существует несколько подходов к изучению политического дискурса, наиболее широко употребляемыми являются критический, когнитивный, описательный (дескриптивный) подходы. В критическом дискурс-анализе основное внимание уделяется выражаемому в дискурсе социальному неравенству и доминированию в политической сфере; когнитивный подход направлен на изучение ментальных концептов, отражающих стереотипные представления мира политики, а также исследование метафорического моделирования политических текстов; описательный (дескриптивный) подход основан на описании речевого поведения политиков и риторических стратегий в политической деятельности. Кроме вышеперечисленных подходов, выделяются лексико-семантический и корпусный подходы, которые применяются в данном исследовании.

3) Подходы к изучению политического дискурса направлены на выявление содержательной связи между политикой и языком и демонстрируют тенденцию к междисциплинарному исследованию политического дискурса.

4) Проблема эмоциональности как языкового явления находится в центре внимания многих лингвистов; средства выражения эмоциональности в английском языке могут наблюдаться на всех уровнях языка, наиболее четко они проявляются на лексическом уровне.

- 5) В качестве лексических средств выражения эмоций выступают слова, непосредственно называющие эмоции; экспрессивные слова с эмоциональной семантической структурой; оценочные слова.
- 6) К грамматическим средствам эмотивности относятся низкочастотные временные формы глагола, эмфатическое использование вспомогательных и модальных глаголов, инверсивный порядок слов, синтаксические повторы, параллельные и парцелированные конструкции.
- 7) Невербальные компоненты коммуникации также являются маркерами эмоциональности; существуют оптико-кинестические, тактильные, проксеимические средства, все средства эксплицитны и четко отражают эмоциональное состояние говорящего.

ГЛАВА 2. ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ В ПУБЛИЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

2.1. ВЫРАЖЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

2.1.1. Особенности эмоционального поведения политиков и их проявления в языке

В данном исследовании проводился анализ экспрессивной речи политиков, обладающей убеждающей силой в рамках политического дискурса. Для анализа были отобраны речи политиков на конференциях, инаугурационные речи, интервью, а также речи на парламентских дебатах. Данные типы речей политического дискурса были выбраны нами для исследования, поскольку именно в парламентских дебатах и публичных выступлениях политиков можно встретить много случаев проявления эмоциональности. Так, Уинстон Черчилль, обладавший незаурядным ораторским талантом, произвел впечатление своей речью в Фултоне. Речь, которую считают положившей начало Холодной войне, вошла в историю как эмоциональная и яркая, пополнившая лексический состав как английского, так и русского языка выражением «железный занавес» («iron curtain»).

В ходе исследования было выявлено, что независимо от жанра выступления, при выборе тех или иных речевых стратегий политики ориентируются, прежде всего, на достижение воздействия на аудиторию. Исследование отобранного материала подтвердило факт, что одной из основных целей в политическом дискурсе является стремление убедить, воздействовать на сознание публики таким образом, чтобы привести к желаемым результатам. Для манипуляции общественным сознанием политики нередко употребляют в текстах своих речей лексические единицы, которые способны повлиять на эмоции аудитории. Так, в речи многих политиков часто употребляется слово «heart», выражающее искренность и

теплое отношение: *But it is the reason, I say frankly, why if we do act we should do so with a clear conscience and strong heart* (Tony Blair, Speech in the debate on the Iraq crisis). *But I ask you to accept one thing. Hand on heart, I did what I thought was right* (Tony Blair, Resignation Speech). *And when the referendum comes let me say now that if we can negotiate such an arrangement, I will campaign for it with all my heart and soul* (David Cameron, EU Speech).

В ходе детального анализа речей политиков было выявлено частое использование экспрессивных лексем, употребляемых с целью эмоционального воздействия на публику: *This Government will use Britain's unique network of alliances and partnerships, our Embassies, our development programmes, our cultural influence, our superb armed forces and diplomatic services, and our national talents to the very full in support of a future for this country that is strong, safe, and prosperous* (William Hague Foreign Secretary's speech, Birmingham 2010). *It is the firefighter's courage to storm a stairway filled with smoke, but also a parent's willingness to nurture a child that finally decides our fate* (Barack Obama, Inauguration Speech).

Специфическим значением в рамках политического дискурса обладает местоимение «our» («наш»). Корпусный анализ текстов публичных выступлений политиков выявил достаточно высокую частотность употребления местоимения *our*, которое встретилось в публичных выступлениях политиков 1 974 раза, в речах парламентских дебатов – 620 раз. Во всех случаях наблюдалось стремление повлиять на эмоциональное состояние слушающих, вызвать у них симпатию и доверие, чувство единения всей страны: *These children are in our care; we, the state, are their parents– and what are we setting them up for* (David Cameron, Manchester, 2015). *That shows us that if we open our minds to new thinking and new possibilities, we can forge a better, brighter future for all our peoples* (Theresa May, Florence speech). *As a unionist, I was pleased in December to hear my right honorable friend the Prime Minister commit to the intrinsic importance and centrality of Northern Ireland to our United Kingdom* (Lord McInnes of Kilwinning, Debate on Brexit devolved

administrations). Местоимение является одним из важнейших средств манипулирования, способным вызвать у публики такие эмоции, как радость, интерес.

2.1.2. Типы эмоций по принципу выраженности и по коннотативному значению

В ходе анализа материала было отмечено, что политики в своих выступлениях обращают внимание скорее на рациональные и оценочные, нежели на эмоциональные характеристики. Однако, несмотря на это, эмоциональная сфера довольно часто сопровождает политическое выступление. Было выявлено, что для разных жанров политической речи характерно разное соотношение эмоционального и рационального аспектов: например, в парламентских дебатах, в отличие от официальных публичных выступлений, информативность преобладает над эмоциональностью.

Помимо этого, соотношение информативности и эмоциональности варьируется в зависимости от тематики выступления. Например, в парламентских дискуссиях преобладает информативность в случаях, когда речь идет о законотворческой деятельности, однако при обсуждении острых политических вопросов, таких, как кризис беженцев, Брэксит, терроризм, социальные проблемы, эмоциональный аспект доминирует над информативным.

Материал исследования показал, что на соотношение эмоционального и рационального компонентов в выступлении политика влияет целый ряд факторов, среди которых не только жанровая принадлежность выступления, тематика выступления, а также политическое амплуа оратора, принадлежность политика к тому или иному политическому течению. Так, выступления представителей консервативной партии отличаются сдержанностью, стремлением к предоставлению конкретной информации и к объективности. В целом мы характеризуем их речь как мало эмоциональную,

однако, апеллирующую к эмоциям публики. Представители консерватизма употребляют лексику, взывающую к эмоциональности аудитории, часто используют метафорические высказывания.

Анализ выступлений политиков показал, что степень эмоциональности речи оратора зависит от того, испытывает ли он сам те чувства, которые пытается выразить. Эмоции, сопровождающие речь политического дискурса, неоднородны, мы выявили как отрицательные, так и положительные эмоции. Среди эмоций, отраженных в англоязычном политическом дискурсе, обнаруживаются следующие: радость, удивление, гнев, печаль, сочувствие. Было также выявлено, что эмоция «страх» не свойственна политическому дискурсу. Вероятно, причина этого заключается в том, что данная эмоция показывает проявление слабости политика, что неприемлемо для политической сферы.

Кроме того, мы пришли к выводу, что некоторым типам речей в политическом дискурсе характерна определенная эмоция. В инаугурационной речи, например, присутствуют такие эмоции как радость, чувства патриотизма и гордости. Так, Дэвид Кэмерон в своей первой речи на посту премьер-министра, торжественно заявляет: *Her Majesty the Queen has asked me to form a new government and I have accepted. I came into politics because I love this country. I think its best days still lie ahead and I believe deeply in public service* (David Cameron's speech as prime minister). Для скорбных речей характерна эмоция «печаль»: *Last night, our country fell victim to a brutal terrorist attack once again. On behalf of the people of London and on behalf of the whole country, I want to pay tribute to the professionalism and bravery of the police and the emergency services, and the courage of members of the public who defended themselves and others from the attackers. And our thoughts and prayers are with the victims and with their friends, families and loved ones* (Theresa May's Speech on the London Bridge Attack, 2017).

В политических дебатах часто проявляется гнев, который возникает в результате политических споров. Так, в парламентских дебатах по вопросу

частного сектора аренды Стивен Ллойд высказывает явное недовольство, переходящее в гнев: *At the risk of misquoting Tony Blair, who kept saying, "Education, education, education, I want to talk about evidence, evidence, evidence. All those years ago I did not have evidence. Where are we now? We are five or six years down the line, and I want to provide some evidence* (Stephen Lloyd, debate on Previous Universal Credit Private Rented Sector).

Кроме того, изучение материала исследования показало, что дискурс каждого из политиков характеризуется уникальными темами, освещаемыми только данным оратором. Так, например, для Маргарет Тэтчер ключевыми являются понятия морали, свободы, демократии, а для Дэвида Кэмерона – религия, семья, социальная стабильность и равенство: *«We stand with that select body of nations that believe in democracy and social and economic freedom»* (Margaret Thatcher, Speech at Kensington Town Hall, 1976). *«I want us to end discrimination and finish the fight for real equality in our country today* (David Cameron Manchester Speech, 2015).

Мы пришли к выводу, что эмоциональные процессы приобретают положительный или отрицательный характер в зависимости от того, как (положительно или отрицательно) производимое человеком действие и оказываемое на него воздействие выражаются в отношении к его потребностям и интересам. Преобладание тех или иных эмоций в конкретно взятой речи зависит от темы выступления, настроения оратора, общей политической обстановки. На материале исследования было установлено, что положительные эмоции чаще отражаются в речи политиков, несмотря на то, что политический дискурс предполагает, прежде всего, обсуждение насущных проблем, а проблемы или спорные вопросы обязательно связаны с негативными ассоциациями и эмоциями. Кроме того, речь в публичном политическом дискурсе направлена на массовую аудиторию с целью овладения властью и привлечения на свою сторону, для чего необходимо максимально положительно воздействовать на аудиторию, и, соответственно,

вызвать позитивные эмоции у публики путем выражения собственных положительных эмоций.

Яркими маркерами эмоциональности в политическом публичном дискурсе явились также просодические средства, наличие которых было отмечено во всех проанализированных видеоматериалах. Анализ выявил следующие просодические особенности политической речи: мужчины и женщины политики по-разному используют паралингвистические средства для передачи эмоциональной составляющей информации, однако данные различия на просодическом уровне незначительны. И мужчины, и женщины изменяют интонацию, тон, громкость голоса, перемещают логическое ударение. Однако для речи женщин-политиков характерен стандартный темп и незначительная паузация, монотонность.

Характерным просодическим средством политической речи явилась интенсификация логического и фразового ударения во фрагментах выступления, когда оратор намеревался акцентировать внимание публики на том, о чем идет речь, а также повлиять на эмоции слушающих. Так, Эд Милибэнд в своем выступлении повысил громкость голоса, критикуя оппонента, лидера консервативной партии для воздействия на публику: *Have you ever seen a more incompetent, hopeless, out of touch, u-turning, pledge-breaking, ↑make it up as you go along, ↑back of the envelope, ↑miserable shower than this Prime Minister and this Government?* (Ed Miliband, Leader's Speech, Manchester, 2012).

Проанализировав видеоматериалы, мы пришли к выводу, что речи политиков на просодическом уровне свойственны четкая артикуляция и достаточно медленный темп. Однако следует отметить, что ускорение темпа свидетельствует об эмотивной нагрузке высказывания. Так, выступая с речью в Манчестере, Дэвид Кэмерон ускоряет темп при перечислении и сокращает длительность пауз, подчеркивая важность проводимых реформ и выражая удовлетворение результатами: *Let me tell you ‖: I am in just as much of a hurry*

as five years ago. || Securing our country, / growing our economy; / jobs, exports, growth, infrastructure || (David Cameron's Speech, Manchester, 2015).

В ходе анализа мы также обратили внимание, что речь политиков изобилует таким экстралингвистическим элементом, как пауза. Иногда паузы употребляются оратором после каждого слова. Так, Дэвид Кэмерон, использовал чрезмерную паузацию в своей речи в Манчестере, употребив паузы после каждого слова высказывания для придания убедительности высказыванию: *We / will not / let / you / down || (David Cameron, Manchester, 2015).*

Кроме того, мы отметили, что для выражения эмоций служит сочетание голосовых и оптических средств. Подобное сочетание мы обнаружили в одном из выступлений Дэвида Кэмерона, в котором выделение голосом фразы сопровождалось открытым взглядом, направленным в аудиторию.

Эмоциональность в политическом дискурсе проявляется как в прямой (эксплицитной), так и косвенной (имплицитной) форме. Это означает, что в некоторых случаях эмоции настолько четко выражены при помощи различных языковых средств, что становятся очевидными, а в других случаях эмоции скрыты, завуалированы. Например, в речи Эда Милибэнда очевидной является эмоция «радость» по поводу избрания лидером лейбористской партии и возможности представлять ее интересы, эмоция обнаруживается на всех уровнях, от лексического до просодического. А Тереза Мэй в первой речи в день назначения на пост премьер-министра не проявляет эмоции открыто, говорит сдержанно, при этом употребленные в речи лексемы позволяют сделать вывод о положительных эмоциональных переживаниях политика.

Таким образом, воздействие на сознание и чувства публики является первостепенной задачей любого политического выступления. Публичные выступления политиков характеризуются эмоциональным компонентом, который позволяет четко и точно выразить содержание политического сообщения. Успешность публичной речи во многом зависит от

использования различных средств выражения оценки, которые делают ее наглядной и адаптируют для понимания в различных аудиториях. Публичное выступление политика – это мощное и эффективное средство для достижения поставленной цели при помощи различных маркеров эмоциональности. В публичном политическом дискурсе эмоциональность выражается соответствующими лексическими единицами, которые будут рассмотрены в следующем пункте.

2.2. ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

2.2.1. Классификация эмоциональной лексики

Эмоциональное состояние говорящего обнаруживается, прежде всего, на лексическом уровне языка. В нашем исследовании мы решили четко разграничить определения «эмоциональный» и «экспрессивный». Выражение эмоций всегда характеризуется экспрессивностью, но экспрессия не всегда эмоциональна. Это значит, что существуют, с одной стороны, эмоциональные средства, которые служат для выражения чувств и эмоций, а, с другой стороны, экспрессивные средства, предназначенные для усиления выразительности речи.

Мы в данном исследовании рассматриваем эмоциональную лексику, выделяя при этом в лексическом составе языка два типа лексических единиц: 1) слова, называющие эмоции и чувства и 2) слова, выражающие эмоциональное состояние говорящего. К экспрессивным средствам мы относим образные тропы и фигуры (метафора, гипербола, оксюморон, антитеза, ирония, сравнение, лексический повтор, градация), а также фразеологизмы. Экспрессивные языковые средства не рассматриваются в данном исследовании, поскольку не соответствуют цели и задачам работы.

Существует мнение, что одной из наиболее устойчивых лексических групп является та группа, где эмоция заключается в самом значении слова. Однако некоторые исследователи придерживаются противоположной точки зрения. Так, Арнольд И.В. исключает из состава эмоциональной лексики слова, непосредственно называющие эмоции, объясняя это тем, что слова, обозначающие чувства и эмоции, выражают эмоции только понятийно, они лишь называют эмоцию, но не «переживают» ее (Арнольд, 1959). А Шаховский отмечает, что хотя данные слова обладают меньшим «коммуникативно-эмоциональным эффектом», эмотивность в них все же представлена (Шаховский, 1987: 94). Мы в данном исследовании придерживаемся точки зрения И.В. Арнольд и признаем средствами эмоциональности единицы языка, которые выражают, а не называют эмоции, поскольку именно такие единицы передают эмоциональное состояние говорящего. Но в ходе исследования мы проанализировали обе категории:

- 1) лексические единицы, называющие базовые эмоции
- 2) лексические средства эмоциональности, выражающие эмоции

Изучение первой категории основывалось на выделенных психологами базовых эмоциях и их номинациях в английском языке. На материале исследования был произведен анализ употребления в речи политиков следующих слов, называющих базовые эмоции:

- 1) anger, angry – злость, злой
- 2) fear – страх
- 3) fury, furious – гнев, гневный
- 4) surprise – удивление
- 5) disgust – отвращение
- 6) interest – интерес
- 7) joy – радость
- 8) sadness – печаль
- 9) shame – стыд
- 10) guilt – вина

11) contempt – презрение

Анализ наличия в корпусе данных слов показал, что частотность употребления слов с функцией номинации эмоций незначительна. Статистический анализ показал: слово *interest* было употреблено в целом 109 раз, из них в 90 случаях – в роли слова, называющего эмоцию, таким образом, явилось самым частотным. Остальные слова реже встретились в речах выступающих. Так, количество слова *fear* составило 44 случая, *anger*, *angry* – 11 случаев, *surprise*, *contempt* – 8 случаев; *shame* – 7 случаев; *joy* – 6 случаев; *sadness*, *disgust* – 1 случай. Произнося данные слова, называющие эмоции, политики выражали не эмоции, которые сами испытывали, а эмоции, которые они или другие лица могли испытывать или испытывают в определенных обстоятельствах. Так, Дэвид Кэмерон в своей речи в Манчестере в 2015 году называет эмоцию «интерес», говоря не от своего лица, а от лица всех британцев: *So it is a vital interest for us to protect the integrity and fairness of the single market for all its members* (David Cameron, EU Speech, 2013). В дебатах на тему Брэксита в речи одного из политиков упомянута эмоция «интерес», политик официально провозглашает проявление собственного интереса, при этом не испытывая данного эмоционального состояния: *I declare an interest as a vice-president of the Local Government Association* (Lord Storey, Debates on Brexit devolved Administration). Тереза Мэй в одном из своих выступлений, называя эмоцию «fear», при этом выражая не страх, а своего рода беспокойство: *I fear it would inevitably lead to friction and then a damaging re-opening of the nature of our relationship in the near future* (Theresa May, Florence Speech). Из данных примеров мы видим, что прямая номинация эмоций не отражает действительного эмоционального состояния говорящего, она служит средством прогнозирования возможных эмоций, а в некоторых случаях выражает другие эмоции.

2.2.2. Семантический анализ эмоциональной лексики

Изучение второй категории лексических средств выражения эмоций проводилось в отношении следующих лексических единиц:

- междометия
- усилительные частицы (*too, only*)

Выбор для анализа междометий объясняется их основной функцией в языке – выражением экспрессивности. Мы отметили, что в целом речи в контексте политического дискурса не свойственно использование междометий. В материале исследования было зафиксировано всего 7 случаев употребления междометия *oh*, большинство из них употреблено в публичных выступлениях политиков. Например, Тони Блэр в одном из интервью употребил междометие для выражения негативной эмоции возмущения в ответ на вопрос журналиста: *Oh rubbish. Come on Jeremy, look, what do I stand for? I stand for a Labour party that believes in opportunity for all* (Interview with Tony Blair). В дебатах зафиксирован один случай употребления междометия, отразивший крайне эмоциональную реакцию членов Палаты Лордов на высказывание одного из участников дебатов, который заявил: *My Lords, first, this is not a problem unique to the United Kingdom* (Lord Bourne of Aberystwyth). В ответ на это лорды воскликнули *oh*, в данном случае междометие выразило и подчеркнуло удивление политиков. В другом случае в ходе дебатов один из участников выразил свои искренние извинения, употребив междометие *oh*: *Oh, I do apologise* (Lord McNally).

Однако конкретные эмоции являлись очевидными не во всех случаях, поскольку междометие зачастую выполняло в речи функцию замены слов и паузации. Так, Тереза Мэй в интервью использовала междометие с целью выражения согласия с иницирующей репликой, при этом не пытаясь выразить свои эмоции: *Oh, it is an extra 8 billion that is going to go into the National Health Service* (Theresa May, interview).

Частицы *too* и *only*, являющиеся интенсификаторами в речи, также могут употребляться для выражения эмоций. Изучение материала исследования показало, что данные лексические единицы в большинстве случаев отражают оценочный аспект эмоциональности, то есть с помощью данных частиц подчеркивается оценочно-эмоциональное отношение говорящего. Так, Дэвид Кэмерон в одной из речей сказал: *These problems have been around too long. And the progress in dealing with them, far too slow* (David Cameron, EU Speech, 2013). Из данного примера мы видим, что употребляя частицу *too* политик подчеркивает отрицательную оценку происходящего. Еще один пример выражения эмоциональной оценки с помощью частицы *too* находим в речи Терезы Мэй, выступающей с речью на тему демократии и права женщин голосовать: *Sadly, that has all too often become the case* (Theresa May's Speech on Standards in Public Life, 2018). При анализе использования эмоциональных единиц было также обнаружено, что практически во всех случаях частицы использовались для выражения негативных эмоциональных состояний. *But being out of work is only one of the causes we must tackle.* (David Cameron Manchester, 2015). Междометные фразеологические единства, такие как *Gosh, by God, by Jove, by George, for God's sake* в корпусе не зафиксированы.

При анализе единиц, обладающих полностью эмоциональной семантической структурой, было выявлено, что данные лексические средства служат для выражения эмоциональности, однако используются с этой целью редко. В случаях употребления в качестве таковых они несут отрицательную коннотацию, в основном оценочного характера, то есть относятся к категории оценочной эмоциональной лексики.

Исследуя средства выражения эмоций на лексическом уровне, мы также поставили задачу изучения эмоциональности, выраженной посредством оценки. Из лексических средств выражения эмоциональности мы проанализировали слова с положительной и отрицательной эмоциональной оценкой. Рассмотрев употребление лексических единиц,

выражающих эмоциональность в оценочном аспекте, мы пришли к выводу, что их можно классифицировать по частеречной принадлежности. Для анализа были выбраны основные части речи – существительные, прилагательные и глаголы, обладающие оценочной семантикой.

Анализ положительных оценочных существительных показал, что наиболее частыми в употреблении являются слова, выражающие оценку в отношении улучшения качества или роста показателей. Среди этих существительных следующие: *benefit* (77 случаев употребления в текстах дебатов и 64 случаев употребления в речах политиков и интервью), *development* (84 случая употребления в текстах дебатов и 52 случая употребления в речах политиков и интервью), *progress* (45 случаев употребления в текстах дебатов и 63 случаев употребления в речах политиков и интервью), *increase* (32 случая употребления в текстах дебатов и 10 случаев употребления в речах политиков и интервью). При этом помимо количественного анализа проводился качественный анализ, учитывалась сочетаемость слова в контексте с целью исключения случаев, когда оно могло быть употреблено в отрицательном значении. Данный анализ был осуществлен за счет конкорданса и применен к слову *increase*, которое, как известно, может иметь как положительную, так и отрицательную коннотацию. Количественный анализ показал 32 употребления в текстах дебатов и 10 употреблений в речах политиков, после качественного анализа число употреблений изменилось и составило 24 и 6 случаев соответственно в результате отбора коллокаций с положительной оценкой: *increase in the levels of aid*, *increase in public investment*, *increase in passenger numbers*, *increase in supply to address shortfalls*.

При рассмотрении отрицательных оценочных существительных было выявлено, что в большинстве случаев данная категория в политическом дискурсе используется для выражения негативных эмоций в отношении изменения статистики или неудач при проведении тех или иных преобразований в сфере политики. Так, в количественном отношении

лидируют следующие существительные с отрицательной оценкой: *lack* (35 случаев употребления в текстах дебатов и 14 случаев употребления в речах политиков и интервью), *reduction* (25 случаев употребления в текстах дебатов и 10 случаев употребления в речах политиков и интервью), *failure* (11 случаев употребления в текстах дебатов и 17 случаев употребления в речах политиков и интервью).

Согласно количественному анализу, общее число существительных с положительной оценкой превысило число отрицательных оценочных существительных в три раза. Положительная эмоциональная оценка существительных более отчетливо проявилась в политических дебатах.

При анализе материала было зафиксировано, что наиболее часто употребляемыми среди прилагательных положительной оценки являются следующие: *good* (165 случаев употребления в текстах дебатов и 163 случая употребления в речах политиков и интервью), *great* (103 случая употребления в текстах дебатов и 185 случаев употребления в речах политиков и интервью), *positive* (37 случаев употребления в текстах дебатов и 17 случаев употребления в речах политиков и интервью), *excellent* (41 случай употребления в текстах дебатов и 5 случаев употребления в речах политиков и интервью). При этом самым частотным явилось прилагательное *good*, употребленное в словосочетаниях *good news*, *good example* (17 случаев употребления в текстах дебатов), которые выражают положительную оценочную эмоцию – одобрение по отношению к нововведениям и проводимым реформам.

Среди отрицательных оценочных прилагательных самыми частотными оказались следующие: *poor* (28 случаев употребления в текстах дебатов и 36 случаев употребления в речах политиков и интервью), *bad* (14 случаев употребления в текстах дебатов и 33 случая употребления в речах политиков и интервью) и его превосходная степень *worst* (14 случаев употребления в текстах дебатов и 13 случаев употребления в речах политиков и интервью). При этом с помощью прилагательного *poor* выражается негативное

отношение к условиям, в таких словосочетаниях как *poor outcome, poor environment*.

Проанализировав прилагательные с отрицательной и положительной оценочной коннотацией, мы пришли к выводу, что в публичном политическом дискурсе чаще употребляются прилагательные с положительной оценкой, при этом большее число таких прилагательных обнаруживается в политических дебатах. Анализ коллокаций показал, что прилагательные оценки используются чаще для выражения эмоций по отношению к событиям экономического характера в сфере политики: *good agreement, great expansion of trade, bad deal*.

Анализ глаголов, наделенных оценочной коннотацией, показал следующие результаты: среди глаголов, обладающих положительной оценкой, преобладают глаголы *reform, achieve, improve, strengthen*. При этом самым высоким показателем частотности был отмечен глагол *reform*, употребленный 18 раз в политических дебатах и 62 раза в выступлениях и интервью политических деятелей. Глагол *improve* оказался на втором месте по частотности употребления, составив 54 случая употребления в политических дебатах и 20 случаев в выступлениях и интервью политических деятелей. Третьим по частотности стал глагол *achieve*, употребленный 16 раз в политических дебатах и 43 раза в речах политиков. При анализе глагола *increase* мы зафиксировали 36 случаев употребления глагола в политических дебатах и 10 случаев употребления в речах политиков для выражения негативных эмоций оценки по отношению к текущему положению дел или уже существующим результатам проводимой политики, в основном в социальной сфере, о чем говорит употребление глагола в следующих коллокациях: *to increase the costs, increase unemployment, increase homelessness*.

Глаголы с отрицательной оценкой составили незначительное число. Так, глагол *reduce* был употреблен в 28 случаях в дебатах и 26 случаях публичных выступлений, *fall* – в 11 случаях в дебатах и 17 случаях

публичных выступлений, глагол *cut* проявил одинаковую частотность в дебатах и публичных выступлениях, число его употреблений составило 11 случаев.

Анализ политического дискурса на основе материалов политических публичных выступлений показал, что в англоязычном дискурсе для передачи эмоциональной оценки употребляются преимущественно прилагательные, содержащие положительный или отрицательный оценочный компонент. Это можно объяснить в первую очередь тем, что прилагательные имеют указание на оценку в своем категориальном значении – обозначении признаков предмета, а наречие, зачастую связанное с прилагательными словообразовательными отношениями, характеризуется идентичными разрядами оценки и смысловыми компонентами. Существительные и глаголы реже используются для выражения оценки в политическом дискурсе. Во всех частях речи отрицательная оценка представлена незначительно, положительная оценка доминирует и наиболее ярко представлена оценочными прилагательными, в существительных и глаголах оценочный компонент выражен не эксплицитно.

Эмоции проявляются на всех уровнях языка, от фонетического до синтаксического, не ограничиваются только лексическим уровнем. Перейдем к рассмотрению языковой реализации эмоций на грамматическом уровне.

2.3. ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Эмотивная семантика закодирована в основном в лексике и просодической структуре устных высказываний, однако, признавая важную роль лексического и просодического уровня английского языка в эмоциональном оформлении высказывания, мы отмечаем наличие значительного количества грамматических средств (морфологических и

синтаксических), участвующих в передаче эмоциональных переживаний. В данном исследовании объектом более подробного изучения проявления эмоциональности на грамматическом уровне стали синтаксические средства выражения, а именно повторы, риторические вопросы, инверсия, а также нестандартное употребление грамматических форм.

Одним из наиболее очевидных эмотивных средств является восклицательное предложение, эмоциональность которого выступает в качестве основной коммуникативной функции данного типа предложения. Основными характеристиками восклицательного предложения являются прежде всего коммуникативная установка, а также особая грамматическая структура, специфическое лексическое наполнение, интонация. Используя в речи такие предложения, оратор стремится в первую очередь выразить эмоциональную оценку.

Проанализировав тексты корпуса, мы выявили, что с помощью восклицательного предложения могут выражаться такие эмоции как удивление, радость, возмущение, гнев. В следующем примере мы видим выражение эмоции «радость»: *There is an opportunity for the Government. Despite the ideological and fundamental errors that underpin some elements of universal credit, finally, after years and years of banging on the door, they are beginning to change. Thank heaven!* (Stephen Lloyd, Debate on Previous Universal Credit). Эмоция «радость» выражена и в следующем примере: *We now get to the Budget. At last!* (Mr Gregory Campbell, Debate on Previous Universal Credit). Тони Блэр в одном из интервью на вопрос журналиста с помощью восклицательного предложения выразил возмущение: *These funding stories, they come, they go! These are people who own the Express Newspapers* (Tony Blair, Interview).

Особенно эмоциональными считаются восклицательные предложения с интенсификаторами *what* и *how*. В текстах корпуса были выявлены случаи употребления подобных эмоциональных предложений. Так, в одном из парламентских дебатов член Палаты Общин, критикуя систему

здравоохранения Великобритании по поводу психического состояния заключенных, воскликнул: *How damning! This failure to monitor poor mental health levels and the mental health services provided in prison simply would not happen in the outside world* (Ms. Rimmer, Debate on Mental Health in Prisons). В данном случае с помощью интенсификатора *how* и стилистически сниженной лексемы была выражена эмоция «гнев», политик явно разочарован текущим положением дел. В другом примере недовольство выражается с помощью следующей фразы: *What a shocking failure of government!* (Ms. Rimmer, Debate on mental health in prisons) В данном случае для усиления эмоционального возмущения был использован интенсификатор *what*.

В ходе исследования было выявлено, что предложения, содержащие интенсификаторы *what* и *how*, могут быть не только восклицательными, но и повествовательными. Кроме того, такие предложения выражают в основном отрицательные эмоции. Например, в своей речи в парламенте оратор, говоря об уходе с занимаемой должности одного из специалистов центра по лечению раковых заболеваний, выразил эмоцию «печаль», сказав: *What a loss that will be* (Steve Brine, Debate on NHS Blood Cancer Care). Маргарет Тэтчер в ответе на вопрос журналиста использовала интенсификатор *what*, при этом выразив недовольство: *What a good idea. I had not thought of that. But if I were, there would be no European central bank accountable to no one, least of all national Parliaments* (Margaret Thatcher, 1990). Следует отметить, что в данных примерах прослеживается связь между выражаемыми эмоциями на синтаксическом и просодическом уровнях. В связи с этим в данном случае невозможно определить характер выражаемой эмоции, рассматривая исключительно синтаксическую оформленность высказывания, необходимо учитывать также просодические особенности.

Таким образом, рассмотрев проявление эмоциональности в различных типах предложения, мы пришли к выводу, что не только восклицательные предложения могут служить средством выражения эмоций. Повествовательные предложения в некоторых случаях несут

дополнительную эмотивную нагрузку, несмотря на то, что их основным грамматическим значением является коммуникативная функция – функция передачи информации и фактов. Однако в предложениях такого типа эмотивная семантика просматривается в том числе в лексических единицах, преимущественно в интенсификаторах эмоциональности, в связи с этим характер выражаемой эмоции представляется более целесообразным рассматривать на грамматическом уровне, учитывая лексическое наполнение и просодические характеристики речи.

Изучение материала исследования показало, что интенсификаторы *what* и *how*, используемые для выражения эмоциональности на синтаксическом уровне, в политическом публичном дискурсе отражают негативные эмоции. Данные синтаксические структуры имеют низкую частотность как в текстах политических дебатов, так и в текстах публичных выступлений политиков. Количество употреблений интенсификаторов составило 5 и 11 случаев соответственно.

Применив корпусный анализ, мы рассмотрели использование синтаксических повторов в качестве эмотивного средства, выполняющего важную в политическом дискурсе функцию убеждения и воздействия. Данное средство проявления эмоциональности мы рассматривали, принимая во внимание два вида синтаксического повтора: синтаксический повтор однородных членов предложения (лексико-семантический повтор) и параллельные конструкции. В ходе анализа было выявлено, что на синтаксическом уровне повтор является самым частотным эмотивным средством. В материале исследования было зафиксировано всего 41 случай употребления данного синтаксического средства, из которых 27 случаев приходится на параллельные конструкции и 14 случаев – на синтаксический повтор однородных членов предложения. Следует отметить, что основными компонентами при лексико-семантическом повторе явились существительные и прилагательные с ярко выраженным эмоциональным или оценочным значением. Так, например, в речи по миграционной политике Д.

Кэмерон употребляет повтор слова *fairness*, делая акцент на необходимости открытых и справедливых миграционных мер: *And there's an even bigger reason for addressing immigration too. It's about fairness – real fairness. Fairness for people already living here, working here, contributing here* (David Cameron, Prime Minister's speech on immigration, 2015). Тереза Мэй в своей первой речи на посту премьер-министра говорит: *It means we believe in the Union. That precious, precious bond between England, Scotland, Wales and Northern Ireland*» (Theresa May's first speech as Britain's prime minister). В данном случае мы видим, что премьер-министр использовала повтор слова *precious*, чтобы подчеркнуть важность объединения усилий союзников, таким образом выразив заинтересованность в существовании данного союза и положительно оценив его.

Параллельные конструкции предложений как вид синтаксического повтора использовались политиками в речах чаще, чем лексико-семантические повторы. Данные синтаксические конструкции можно, по нашему мнению, описать как апеллирующие к публике. Употребляя данные конструкции, политики акцентируют внимание на существующих реалиях политической и социальной жизни, а также пытаются воздействовать на эмоции публики, как например, Эд Милибэнд в своей речи использовал параллельные предложения, чтобы вызвать положительные эмоции у публики: *Together we can restore faith in the future. Together we can build a future for everyday working people. Together we can rebuild Britain. Together we can* (Ed Miliband, Leader's speech, Manchester, 2014). Дэвид Кэмерон с помощью параллельной конструкции акцентировал внимание на решительных действиях при решении проблемы терроризма, а также выразил опасение, что в результате неправильной тактики правительства могут пострадать невинные люди: *And the choice I faced was this: Act – and we could stop them carrying out their plans. Stall – and we could see innocent people murdered on our streets* (David Cameron, Speech in Manchester, 2015). Еще пример использования параллельной конструкции: *A period of history whose*

example shaped the modern world. A period of history that teaches us that when we come together in a spirit of ambition and innovation, we have it within ourselves to do great things (Theresa May Florence speech, 2017). В данном примере Тереза Мэй, упоминая в своей речи о Ренессансе как о значимом в европейском обществе периоде, использует параллельную структуру предложений, таким образом, с одной стороны, выделяет роль развития европейской культуры, а с другой стороны, выражает радость, связанную с грядущими переменами в стране.

Помимо этого, в материале исследования были зафиксированы случаи синтаксического повтора целых предложений, при этом такие повторы являлись двукратными или трехкратными: *If you are a millionaire they've intervened to give you a tax cut. You will never be on your own. If you are a banker, who wants your bonus, they are going to intervene to protect it. You will never be on your own. If you are an energy company whose profits are soaring, they'll intervene to support you. You will never be on your own* (Ed Miliband, Leader's speech, Manchester, 2014). В данном случае мы видим трехкратный синтаксический повтор в сочетании с параллелизмом, что свидетельствует об особой эмоциональности речи политика, о его намерении воздействовать на эмоциональное состояние публики.

Кроме того, в материале исследования встретились случаи комбинации синтаксического повтора с парцелированной структурой предложения, что говорит об особом намерении оратора выразить сопровождающие его речь эмоции: *Expectations were so high. Too high. Too high in a way for either of us* (Tony Blair, Resignation speech, 2007).

В связи с обнаружением парцелированных конструкций в данном исследовании был также проведен анализ данной синтаксической структуры на предмет выражения эмоциональности. Количественный анализ выявил, что данный тип синтаксических конструкций является достаточно частотным эмотивным средством. Эмотивность парцелированных конструкций реализуется в текстах политического дискурса, так как парцелляция служит

способом усиления эмоциональности высказывания, однако не выражает конкретную эмоцию, а содержит в себе оценочный компонент. В материале исследования было обнаружено 11 случаев употребления данных конструкций, все случаи зафиксированы в речах публичных выступлений политиков. Так, в своей речи при уходе в отставку Дэвид Кэмерон употребил парцеллированную конструкцию, таким образом сделав акцент на достижениях страны и выразив гордость: *I looked at my own country. A great country. Wonderful history. Magnificent traditions. Proud of its past. But strangely uncertain of its future. Uncertain about the future. Almost old-fashioned* (Tony Blair, Resignation speech). В другой своей речи с помощью парцелляции политик подчеркнул важность произошедших событий: *And I will never forget that morning. Getting back to London. Seeing many of you. Then sitting down in the flat at No10 with Sam and the kids getting ready for school* (David Cameron, Speech in Manchester, 2015). Джеки Смит в своей речи посредством парцеллированной конструкции выразила отрицательную оценку событий: *Boris Johnson says talk of a broken Britain is "piffle". Although I'd call it something else. Irresponsible. Alarmist. Opportunistic* (Jacqui Smith Home Secretary's speech, Manchester 2008).

В текстах парламентских дебатов такие синтаксические явления как парцелляция и параллелизм выявлены не были. Однако мы не можем утверждать, что речь политиков, участвующих в дебатах, носит неэмоциональный характер. Мы считаем, что данному жанру политического дискурса не характерно использование синтаксических конструкций для подчеркивания тех или иных эмоций и выражения того или иного эмоционально-оценочного мнения. Эмотивность в таком случае достигается за счет лексических единиц с экспрессивной эмотивной семантикой, таких как, например, *silver lining, hand in glove: If it is by establishing these relationships and providing suitable mechanisms that we take the United Kingdom further down the road to federalism, then the very dark cloud of Brexit may yet have a silver lining* (Debate on Brexit devolved administrations). *In further*

support of those objectives, I am delighted, as I said earlier, that we are working hand in glove with our colleagues at DFID (Debate on Freedom of Religion and Belief).

Из эмотивных грамматических средств мы выбрали для анализа также риторический вопрос. В ходе исследования было обнаружено, что речи политиков изобилуют риторическими вопросами, при этом преимущественное количество данного синтаксического явления присутствует в речах публичных выступлений политиков. Было выявлено, что вопросительные конструкции часто используются для выражения удивления, гнева и негодования. Так, в своем выступлении Дэвид Кэмерон использовал целый ряд вопросов, чтобы выразить возмущение в связи с мерами против терроризма: *How do we stop them? Is there another way? Do we have that capability? Is it legal?* (David Cameron, Manchester Speech, 2015)

Одним из выразительных синтаксических средств выражения эмоциональности является инверсия. Высказывания с неправильным порядком слов, как и повторы, характеризуются выделительной функцией. Инверсия не только используется в случаях, когда требуется акцентировать внимание на каком-либо определенном аспекте или теме обсуждения, но и участвует в процессе выражения эмоций. Применив количественный анализ, мы пришли к выводу, что инверсия обладает самой низкой частотностью среди синтаксических средств, всего было выявлено 10 случаев употребления инверсии, из которых 5 случаев приходится на публичные речи политиков, и еще 5 случаев – на парламентские дебаты. Так, для выражения эмоции «печаль» Тони Блэр в своей речи при уходе в отставку употребил инверсию: *Then came the utterly unanticipated and dramatic. September 11th 2001 and the death of 3,000 or more on the streets of New York* (Tony Blair, Resignation Speech, 2007). Аналогичный пример употребления инверсии был обнаружен в выступлении Тони Блэра в ЕС: *Across the continent, in silent cemeteries, lie the hundreds of thousands of British servicemen who gave their lives for Europe's freedom* (David Cameron EU speech, 2013). Однако инверсия использовалась в

речи политиков не только для выражения отрицательных эмоций. Так, Дэвид Кэмерон в своей речи выразил эмоцию «радость» и положительную оценку действий Великобритании в европейском сообществе: *In more recent decades, we have played our part in tearing down the iron curtain and championing the entry into the EU of those countries that lost so many years to Communism. And contained in this history is the crucial point about Britain, our national character, our attitude to Europe* (David Cameron, EU Speech, 2013).

Помимо этого, мы рассмотрели эмфатическое использование глагола *do*. В текстах политических дебатов было зафиксировано 8 случаев употребления глагола *do* с дополнительной эмотивной нагрузкой, при этом в большинстве примеров была выражена эмоциональная оценка или мнение, в половине случаев оратор выразил свое согласие, употребив *I do agree: I thank my right hon. Friend for that. Perhaps it is because I am new – perhaps I am optimistic and generous – but I do agree with him that trust is crucial* (Debate on Luthion Airport Expansion). В текстах публичных выступлений политиков обнаружено 11 случаев употребления эмфатической конструкции, в 7 случаях из 11 оратор использовал вспомогательный глагол *do* в сочетании с глаголом *believe* для выражения собственной убежденности в отношении обсуждаемого вопроса: *This is not a decision I have taken lightly, but I do believe it is in the national interest to have a period of stability and then the new leadership required* (David Cameron, Speech after Brexit Vote, 2016). Употребление глагола *do* в повелительных конструкциях для выражения раздражения не было зафиксировано в корпусе исследования.

Кроме того, в корпусе исследования были найдены случаи употребления конструкции *it's time + Past Simple* глагола, которая используется, как правило, для выражения критики и недовольства по поводу происходящего. Так, например, в своей речи Эд Милибэнд выразил неудовлетворенность по поводу отстраненности населения от участия в политике: *It is time we brought power much closer to people. It is time the voice of young people was heard which is why we will give the vote to 16 and 17 year*

olds (Ed Miliband Leader's speech, Manchester, 2014). Тереза Мэй подчеркнула, что давно пора покончить с агрессией и нетерпимостью меньшинств: *It is time we asked ourselves seriously whether we really want it to be like this* (Theresa May, Speech on Standarts in Public Life, 2018).

В данном исследовании мы проанализировали в качестве средства выражения эмоциональности модальные глаголы. В данную категорию для анализа мы включили модальные глаголы *could, should, might* в сочетании с перфектным инфинитивом, что часто употребляется для выражения таких отрицательных эмоций как критика, упрек, осуждение, сожаление, раздражение по поводу не совершенных действий в прошлом. Количественный анализ выявил незначительное количество подобных конструкций. Большее число употреблений было зафиксировано в сочетании с глаголом *should*, при этом в большинстве случаев посредством данного глагола было выражено недовольство или упрек: *I tell you what Europe should have said last September to the US. We can look back and say, that was the moment when Czechoslovakia was swallowed up by the Nazis- that's when we should have acted* (Tony Blair Speech on the Iraq crisis, 2003).

В ходе анализа мы также обратили внимание на низкочастотное употребление глагола *shall* с подлежащим в 3 лице единственного и множественного числа, используемое для выражения определенных эмоциональных состояний. Так, Барак Обама в своей речи, используя глагол *shall* с существительным в 3 л. ед.ч показал уверенность в прогнозируемом им событии: *We are a nation of Christians and Muslims, Jews and Hindus, and non-believers. We are shaped by every language and culture, drawn from every end of this Earth; and because we have tasted the bitter swill of civil war and segregation, and emerged from that dark chapter stronger and more united, we cannot help but believe that the old hatreds shall someday pass; that the lines of tribe shall soon dissolve* (Barack Obama's Inauguration speech, 2017).

Как показал качественный анализ материала исследования, наибольшей эмотивностью среди грамматических средств обладают

парцелированные и инвертированные конструкции, несмотря на то, что для данных конструкций эмотивная функция является дополнительной, в то время как основной функцией является выделительная. Согласно количественному анализу синтаксические повторы являются самыми частотными грамматическими маркерами в контексте политического публичного дискурса.

В целом можно отметить, что эмотивность грамматических средств в английском языке значительна и разнообразна, и это ставит их в один ряд с основными средствами выражения эмоциональности (наряду с лексическими и просодическими), в речи их используют для выражения широкого спектра эмоциональных состояний. Перейдем к рассмотрению невербальных средств выражения эмоциональности.

2.4. ДЕСКРИПТИВНЫЙ АНАЛИЗ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКОВ В ПУБЛИЧНОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

Эмоциональность речи можно распознать и по невербальным средствам. В этом случае индикатором эмоциональности является поведение политика: положение и движения тела, внешний вид, манера поведения, мимика и жесты. Невербальные средства эмоциональности наиболее четко обнаруживаются при произнесении речи, поэтому они относятся к эксплицитным средствам.

В данном исследовании мы провели дескриптивный анализ невербального дискурсивного поведения ведущих политиков англоязычных стран, а также членов парламента во время проведения дебатов. Практическим материалом для анализа невербальных средств выражения эмоций послужили видеоматериалы публичных выступлений политиков и парламентских дебатов.

В ходе анализа было выявлено, что эмоции в политической речи проявляются на невербальном уровне во всех существующих типах оптико-

кинетических средств невербальной коммуникации, то есть в виде жестов, мимики, направлении взгляда и др.

В ходе анализа видеоматериалов мы заметили различие невербального поведения мужчин и женщин политиков. Данное различие проявилось в первую очередь в жестикуляции. В плане невербального поведения женщинам присуща менее выраженная жестикуляция, чем у мужчин, они остаются преимущественно неподвижными на протяжении всей речи и намного реже, чем мужчины, направляют взгляд на публику. Мужчины-политики часто используют активную жестикуляцию, наклоны головы в сторону и поддерживают зрительный контакт с аудиторией на протяжении всего выступления. Жесты сопровождают ключевые моменты речи, выступают не только средством выражения эмоций, но и придают речи политиков убедительность. Так, Дэвид Кэмерон, говоря о консервативной партии, выразил гордость и удовлетворение, сопроводив слова *the greatest team* высоко поднятым подбородком, а другом случае при произнесении слов *faith in us* жест политика напомнил сложенные во время молитвы ладони.

Мы не утверждаем, что женщины-политики абсолютно не пользуются невербальными средствами. Несмотря на невыраженную жестикуляцию, некоторые движения и жесты присутствуют, однако, как правило, выполняются с меньшей амплитудой, чем у мужчин. Таким образом, в политическом дискурсе проявляются гендерные различия, которые связаны с существованием двух различных микрокультур и с определенными нормами и ценностями, психическими и поведенческими свойствами, характерными для мужчин и женщин. У женщин-политиков невербальные средства в определенной степени выходят на второй план, что дает основание предположить, что мужчины более экспрессивны в выражении эмоций на невербальном уровне, чем женщины.

Сходство невербального поведения женщин и мужчин политиков заключается в том, что при выражении эмоции «радость» и мужчины и женщины используют такие мимические средства, как широко раскрытые

глаза и улыбка, а жесты – кивок головой, жестикуляция руками, как правило, совпадают с информационным ядром высказывания.

Помимо этого, мы установили, что по элементам невербального поведения политиков (взгляду, жестам, тону голоса) можно составить индивидуальный невербальный профиль политика. Каждый политик имеет свой стиль выступления.

В ходе анализа было также отмечено, что различное невербальное поведение присуще политикам, выступающим с публичной речью на конференциях и форумах и политикам, участвующим в парламентских дебатах. Парламентские выступления отличаются более быстрым темпом речи, отсутствием интонационного оформления высказывания, преобладанием рационального компонента речи над эмоциональным. В данном типе политического дискурса проявление эмоций является редким и имплицитным действием, что затрудняет коммуникативную эффективность речи. Выступления политиков с подготовленной речью характеризуются эксплицитной эмотивностью, большим количеством риторических приемов эмоционального воздействия на публику, а также меньшим процентом использования политической терминологии, усиленной громкостью, высокой частотой использования прагматических пауз. Данные характеристики позволяют сделать речь политика эмоциональной и повлиять на эмоциональное состояние публики.

Проведенный анализ позволил установить, что англоязычные политики не часто прибегают к выражению сильных эмоций. Данный факт можно объяснить ментальными особенностями англоязычной культуры, такими как сдержанность, склонность к самоконтролю. Примером проявления «эмоциональной скупости» в плане использования жестов в англоязычном политическом дискурсе является премьер-министр Тереза Мэй, которой свойственна эмоциональная сдержанность.

Английские политики выражают эмоции, чаще всего прибегая к средствам вербальной коммуникации, используя эмоционально нагруженные

лексемы и синтаксические конструкции. Помимо этого, в англоязычном политическом дискурсе не было обнаружено жестов, используемых для выражения эмоции «печаль», данная эмоция выражалась посредством мимики и интонации. Мимические выражения явились универсальными. Так, например, негативные эмоции (гнев) отражались набором таких мимических выражений, как открытый рот, широко раскрытые глаза, сдвинутые к переносице брови. Для эмоции «радость» были характерны приподнятые уголки губ, рот при этом открыт, видны зубы. Средства невербальной коммуникации используются представителями политической сферы для усиления экспрессивности речи, для того, чтобы произвести впечатление на публику и убедить аудиторию в важности и достоверности приводимых аргументов.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

- 1) Выражая свои эмоции или пытаясь воздействовать на эмоции публики, политики в своих речах прибегают к эффективным средствам убеждения, в том числе к лексическим и грамматическим.
- 2) Лексические средства играют ведущую роль в раскрытии эмоционального компонента речи. Под лексическими маркерами эмоциональной оценки в данном исследовании понимаются слова, служащие для выражения эмоционального состояния, а не называющие эмоции.
- 3) Лексические маркеры имеют двойственный характер: с одной стороны, они выражают эмоциональность, с другой – оценочность.
- 4) Грамматические маркеры эмоциональности выражают общий тип эмоции, очень редко определяют эмоцию, в отличие от лексических, которые выступают конкретизаторами эмоций. Однако существует ряд грамматических конструкций, выражающих определенный круг эмоций.
- 5) В контексте политического дискурса частотность грамматических и лексических маркеров распределена практически равномерно, главное отличие – в степени выражения конкретной эмоции.
- 6) В политических дебатах выявлено меньшее число грамматических маркеров эмоциональности, чем в речах публичных выступлений политиков.
- 7) Значительная доля выражаемых в контексте политического дискурса эмоций носит положительный характер.
- 8) Выражение эмоций всегда сопровождается элементами невербального уровня, при этом чаще всего с помощью жестов.
- 9) Просодические характеристики речи играют очень важную роль при передаче эмоционального состояния.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе были рассмотрены способы выражения эмоциональности в политическом дискурсе на лексическом, грамматическом, а также невербальном уровне. Мы пришли к выводу, что набор языковых средств, используемых для выражения эмоциональности в англоязычном публичном дискурсе, достаточно разнообразен, при этом подавляющее большинство языковых средств может использоваться для выражения различных эмоций. Существует много определений дискурса в целом и политического дискурса в частности, мы в данном исследовании берем за основу узкое понимание политического дискурса, данное Т.ван Дейком и относим к политическому дискурсу парламентские дебаты, публичные речи политиков, обсуждения в парламенте. Такое понимание дискурса не предполагает рассмотрение более обширного языкового материала, как, например, речей политических комментаторов и аналитиков, публикаций в СМИ. При этом мы делаем акцент на изучении языковых средств политического дискурса в публичной сфере коммуникации.

Проведение исследования осуществлялось посредством корпусного подхода к изучению дискурса, а также качественного и количественного анализа материала. Корпус текстов, относящихся к политическому публичному дискурсу, обрабатывался с помощью программы Lancbox. В составленном корпусе текстов программа позволила выделять коллокации, в которых употреблялось то или иное средство эмоциональности, определить частотность употребления анализируемых эмотивных языковых единиц, а также сгенерировать строки конкорданса на анализируемые единицы. Показатель частотности, определенный с помощью программы, явился важнейшим признаком востребованности слова в дискурсе, на основе которого были сделаны основные выводы.

В ходе анализа языковых маркеров эмоциональности было установлено, что в англоязычном политическом дискурсе преобладают

разновидности грамматических маркеров эмоциональности, они представлены синтаксическими повторами, параллельными конструкциями, инверсией, парцелированными предложениями, а в отдельных случаях низкочастотными временными формами глаголов. Было выявлено, что лексические средства эмоциональности не отличаются разнообразием, среди них более эмотивными были обозначены междометия и усилительные частицы. Кроме того, с помощью лексических средств выражается в основном оценочный аспект эмоциональности, то есть преобладает оценочно-эмоциональная лексика.

Несмотря на количественное преобладание и представленность различными типами в политическом дискурсе, грамматические средства эмоциональности не являются эксплицитными, их можно распознать лишь путем детального и внимательного анализа текстов. Лексические и просодические средства, напротив, ярко выражают те или иные эмоции. Проанализировав видеоматериал, мы выделили в качестве эксплицитных эмоциональных средств проявления эмоций в политическом дискурсе просодические средства, такие как изменение интонации, громкости голоса, интенсификация логического ударения.

Несмотря на то, что английской языковой культуре присущи самоконтроль и сдержанность, мы попытались определить, какие эмоции присутствуют в англоязычном политическом дискурсе. Проведенный количественный анализ позволил установить, что преобладают положительные эмоции, самой частотной явилась эмоция «радость», что связано с воздействующей функцией политического дискурса.

Проведенное в работе исследование показало, что эмоциональные процессы в той или иной степени проявляются как вербально, непосредственно в языке, так и на невербальном уровне. При этом проявление эмоций посредством жестов и мимических выражений обладает высшей степенью эксплицитности. Следует отметить, что использование

невербальных средств варьируется в зависимости от индивидуального невербального профиля политика.

Таким образом, присутствие эмоциональных процессов обусловило наличие в системе языка совокупности лексических, грамматических, паралингвистических, а также невербальных средств, используемых для выражения разных типов эмоций. Все эти средства дополняют друг друга и выражают эмоции, сочетаясь друг с другом во всех жанрах политического публичного дискурса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка: учеб.пособие / И.В. Арнольд. — М.: Высшая школа, 1959. — 351 с.
2. Баранов, А.Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб.пособие / А.Н. Баранов. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 245 с.
3. Баранов, А.Н. Парламентские дебаты: традиции и новации /А.Н.Баранов, Е.Г. Казакевич. — М.: Знание, 1991. — 64 с.
4. Белько, Е.В. Выражение эмоций в современном английском языке (на примере эмоций гнева и восторга) [Текст] / Е.В. Белько, В.М. Малык // сборник статей и тезисов IX Междунар. науч. практ. конф. — 2015. — часть 1. — С.4-8
5. Борискина, О.О. Корпусные исследования политического дискурса в лингвистике [Текст] / О.О.Борискина, К.М. Шилихина // Политическая наука. — 2017. — № 2. — С.44–50.
6. Будаев, Э.В. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований / Э.В. Будаев // Политическая лингвистика. — 2016. — № 6. — С. 12–17.
7. Гаврилова, М. В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа / М.В. Гаврилова // Полис. Политические исследования. — 2004. — № 3. — С. 127–139.
8. Гаврилова, М.В. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса. Автореф. дисс. ... докт. филол. наук.: 10.02.01 / Гаврилова Марина Владимировна. — СПб., 2005. — 15 с.
9. Горелов, И.Н. Невербальные компоненты коммуникации / И.Н. Горелов. — М.: КомКнига, 2006. — 112 с.
10. Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ./ Сост. В. В. Петрова; Под ред. В. И. Герасимова; Вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. — М.: Прогресс, 1989. — 312 с.

11. Дейк, Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. — М.: Книжный дом «Либроком», 2013. — 344 с.
12. Илинская, А.С. Знаковая типология языковых единиц, репрезентирующих эмоции в английском языке/ А.С. Илинская // Ползуновский вестник АлтГТУ. — 2006. — № 3. — С. 98–105.
13. Карасик, В. И. О типах дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб.науч.трудов. — Волгоград: Перемена. — 2000. — С. 5–20.
14. Карасик, В. И. Этнокультурные типы институционального дискурса / В.И. Карасик // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. — М.: ИНИОН РАН, 2000. — С. 37–64.
15. Карпова, Ю.А. Средства выражения эмотивно-эмпатийного взаимодействия в условиях речевого общения / Ю.А. Карпова // Вестник пермского университета. — 2011. — №4. — С. 73–79
16. Крейдлин, Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г.Е. Крейдлин. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — 592 с.
17. Кувинова, Н.Б. Семантико-коммуникативная характеристика лексики положительной оценки в современном английском языке / Н.Б. Кувинова // Вестник МГЛУ. — 2007. — С. 116–127.
18. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. — М.: ИТДГК "Гнозис", 2003. — 280 с.
19. Михалева, О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия / О.Л. Михалева. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 2005. — 320 с.
20. Морозова, И.О. Способы выражения эмоциональности в английском и в русском языках / И.О. Морозова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. —2016. — № 6. — С. 132–134.

21. Нелюбин, Л.Л. Толковый переводоведческий словарь/Л.Л. Нелюбин. — 3-е изд., перераб. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 320 с.
22. Озюменко, В.И. Грамматическое выражение эмоций в английском языке / В.И. Озюменко // Вестник РУДН. Серия Русский и иностранные языки и методики их преподавания. — 2005-2006. — № 1(3-4). — С.172–180.
23. Паршин, П.Б. Лингвистические методы в концептуальной реконструкции / П.Б. Паршин // Системные исследования.— М.: 1987. — 403 с.
24. Петрова, Л. Н. Языковые средства выражения эмоций в английском языке / Л. Н. Петрова // Научный диалог. — 2017. — № 6. — С. 72–82.
25. Русакова, О.Ф., Русаков В.М. PR-Дискурс: Теоретико-методологический анализ / О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. — Екатеринбург: УрО РАН, Институт международных связей, 2008. — 340 с.
26. Толпыгина, О.А. Дискурс и дискурс-анализ в политической науке / О.А. Толпыгина // Политическая наука. — 2002. — №3. — С. 76–89.
27. Фесенко, С.Л. Лингвокогнитивные модели эмоций в контексте национальных культур / С.Л. Фесенко // дис. ... канд. филол. наук. — М., 2004. — 199 с.
28. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика / А.П. Чудинов. — М.: изд-во Флинта, 2006. — 254 с.
29. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В.И. Шаховский. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. —192 с.
30. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. —М.: Гнозис, 2004. — 326 с.
31. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. — Л.: Наука, 1974. — 428 с.

32. Birdwhistell, R.L. Kinesics and Context. Essays on body motion communication. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, — 1970.
33. Smith, S., Celerity and Cajolery. Personality and Social Psychology Bulletin / S. Smith, D. Shaffer. —1991. —№ 17. — C.663–669.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

34. UK Parliament Hansard Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hansard.parliament.uk/>. – (Дата обращения: 15.02.2018).
35. Speech vault USA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.speeches-usa.com/>. – (Дата обращения: 27.02.2018).
36. Announcements UK Government [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gov.uk/government/announcements>. – (Дата обращения: 04.03.2018).
37. Online magazine Politico [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.politico.com/>. – (Дата обращения: 17.03.2018).
38. British Political Speech [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.britishpoliticalspeech.org/speech-archive.htm>. – (Дата обращения: 25.03.2018).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1 Корпус «Политика»

Приложение представляет собой диск, на котором содержатся текстовые документы – скрипты политических речей в объеме 125 текстов, а также видеоматериалы, включающие 50 видеофрагментов выступлений политиков.